

16+

Виктор ДЬЯКОВ

СКЛАДСКАЯ ИСТОРИЯ

ПОВЕСТЬ

Виктор Елисеевич Дьяков

Складская история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40646529

SelfPub; 2019

Аннотация

Клавдии унаследованный после смерти мужа строительный склад приносит настоящие мучения, ибо она обыкновенная русская провинциалка и не может поставить себя настоящей хозяйкой, чем пользуются рабочие-гастарбайтеры. Они её в грош не ставят и занимаются откровенным воровством. Пожилая клиентка, знающая ментальность среднеазиатов, дает Клавдии полезные советы. Более того, она убеждает её, что в сорок лет еще не поздно обрести настоящее женское счастье. Клавдия прислушивается к советам, становится успешной и даже обретает любовь.

Содержание

1	4
2	11
3	21
4	33
5	43
6	51
7	60
8	69
9	81
10	92

1

На окраине поселка к асфальтовому шоссе, ведущему в райцентр, примыкала «грунтовка», проложенная в направлении дачных товариществ. Именно на этом «стратегически важном» перекрестке обосновался склад-магазин, осуществлявший продажу стройматериалов. Склад – это территория где-то метров сорок на тридцать, огороженная бетонным забором. На территории штабеля досок, бруса, кирпича, строительных блоков, ангары, забитые мешками с цементом, всевозможной сухой смесью, банками с краской и прочая, прочая...

Жаркий июльский полдень, самый солнцепек. К складу со стороны дач подъезжает запыленная не первой молодости иномарка. Из нее выходит пожилая интеллигентного вида женщина, в очках, шляпке, светлых кофточке, юбке и боножках. Она держится уверенно, с достоинством. В лице и слегка расплывшейся фигуре то, что принято называть «следами былой красоты». Осторожно ступая по засыпанной гравием территории склада, бросив одновременно и подозрительный и пренебрежительный взгляд на возящихся возле штабеля обрезных досок складских рабочих, гастарбайтеров-узбеков... Посетительница прошла к небольшому одно-

этажному зданию, сложенному из строительных блоков, одновременно выполняющему функции и конторы и магазина. Здесь осуществлялся и прием заказов, и торговля мелким строительным ширпотребом. Распахнув дверь, она вошла в небольшое помещение, тесно заставленное всевозможными образцами продукции, которой торговал склад. Тут же располагался прилавок, за которым сидела женщина лет сорока с густыми темно-русыми волосами, довольно приятным округлым курносым лицом, такой же округлой фигурой, которая явно не выигрывала от одетого на ней сатинового рабочего халата. При взгляде на продавщицу можно было с большой долей вероятности предположить – это типичная русская провинциалка и еще... что на диете она не сидит.

Поздоровавшись, посетительница на высоких тонах пошла, что называется, с места в карьер:

– Я два дня назад по телефону заказала у вас сто шестиметровых досок на постройку забора на моем дачном участке. Мне все доставили в тот же день, и я сразу рассчиталась. Но что выясняется сейчас, когда мои рабочие начали эти доски разбирать. Вы продали их мне как обрезные, по сто десять рублей за штуку, а на поверку вышло, что обрезных там едва ли половина наберется. Остальное горбыль!

Последнюю фразу клиентка произнесла, изобразив на своем слегка подкрашенном и припудренном лице крайнее

возмущение.

– Извините пожалуйста. У нас, к сожалению, попадаетея и такой вот материал, – робко отозвалась женщина из-за прилавка.

– Ну, знаете, это уж не мои проблемы. Я платила за обрезную доску и хочу получить именно ее и хорошего качества, а не то, что вы мне привезли! – продолжала возмущаться клиентка.

– Да, конечно, вы правы. Мы вам заменим. Вы отложите те доски... вернее, пусть ваши рабочие отложат, и сообщите нам их количество, и мы вместо них привезем другие, а эти заберем, – как можно более миролюбиво пыталась успокоить клиентку женщина из-за прилавка.

– Понятно, что замените, куда вы денетесь. Только вот мне не нравится, что меня сначала пытались обмануть, видимо решив, что женщину на досках провести не сложно. Напрасно надеялись, я свои права знаю и буду за них бороться. Мне здесь нанесли определенный моральный ущерб, и я бы хотела, чтобы мне его возместили. Потому, мне надо переговорить непосредственно с хозяином этого склада, – непоколебимо выразила свои намерения клиентка.

– Это... это я хозяйка, – с еще большей робостью в го-

лосе, словно признаваясь в чем-то постыдном, проговорила округлая женщина из-за прилавка.

– То есть, как вы!?! – изумленно спросила клиентка... – Но как же... этого не может быть. Вот, я прочитала на печати, что проставлена на вашей квитанции, – клиентка достала из сумочки квитанцию, – Ну, да вот здесь значится «ИП Бобров Валентин Викторович».

– Это фамилия, имя и отчество моего покойного мужа, – совсем тихо проговорила хозяйка склада и опустила глаза...

В советские времена поселок, образно говоря, стоял на «трех китах»: железной дороге, совхозе и леспромхозе. Был, правда и еще четвертый «кит», неофициальный, тем не менее, ставший в постсоветское время едва ли не основным. Дело в том, что с ростом населения Москвы все меньше свободных участков оставалось в ближнем Подмосковье, и москвичи все интенсивнее осваивали дальше. Потому и этот расположенный достаточно далеко от столицы поселок на рубеже веков стал привлекателен как для получения дачных участков, так и для приобретения «домика в деревне». А после банкротства одного из бывших «китов», совхоза, часть его земли отдали под дачные товарищества, которые за какой-то десяток лет на этих землях закрепились и разрослись.

Впрочем, в постсоветский период из прежних официальных «китов» выжила только железная дорога. Вслед за совхозом в дефолт разорился и леспромхоз. Только в отличие от совхоза, который так погряз в долгах, что все его имущество пустили с молотка и рабочим ничего не перепало... Так вот, леспромхоз «скончался» не столь плачевно и при дележе его собственности не только начальство жирные куски себе урвало, но и простым работягам кое что перепало. Так братьям Бобровым «отломилась» аж целая циркулярная пила, правда старая и списанная. Братья отремонтировали эту «старушку» и... Сначала они сами разделявали бревна на брус и доски, продавая их все множившимся дачникам. Потом, поднакопив денег, решили дело расширить, скупили у своих не столь деловых коллег еще несколько циркулярок, арендовали бывший совхозный ангар, где когда-то зимовала сельхозтехника, наняли гастарбайтеров... и заработал дереводелочный цех. Один из братьев командовал в этом цеху, а второй... Второй, Валентин организовал склад по хранению и продаже продукции этого цеха. Место для склада выбрали очень удачно на развилке дорог в поселок и дачные товарищества, так что и оттуда и отсюда удобно подъезжать. Бухгалтерию свежеиспеченной фирмы вела жена Валентина Клавдия, окончившая в свое время финансовый техникум. В начале двухтысячных годов в Подмосковье часто возникали «торфяные пожары». Потому «горельника», леса, который падал от выгорания торфа под землей, причем сам ствол де-

рева часто оставался целым, годным для обработки... такого леса оказалось много, и потому был он дешев. Именно на «горельнике» братья Бобровы сильно «поднялись». Но, как не случается худа без добра, так и добра без худа, то есть вслед за счастьем, удачей, грянуло горе...

Валентину Боброву было всего сорок лет, когда он неожиданно скончался от цирроза печени. Данная болезнь, как правило, является спутником «пьющих» людей. Нет, муж Клавдии не был запойным пьяницей. Просто по молодости, еще в советское время, он крепко выпивал за компанию, стараясь не отстать от матерых мужиков. Причем в условиях перестроечного дефицита качественного спиртного, он нередко употреблял всякое низкосортное пойло, типа самогона, технического спирта, или тройного одеколона. Для него бесследно все это не прошло. После тридцати печень Валентина стала сильно барахлить, и Клавдия Христом Богом молила мужа совсем перестать пить. И Валентин вроде бы бросил. Но когда их совместный с братом бизнес «набрал обороты», и у них появились как деньги, так и возможность широко праздновать, отмечать успехи... Здесь он удержаться не мог. Жenu же Валентин успокаивал тем, что де сейчас пьет только хорошую, дорогую водку, вино и коньяк и они не нанесут организму того ущерба. Увы, подорванная печень оказалась уже не в состоянии переварить и хорошее спиртное.

Быстротечная болезнь и смерть мужа потрясла Клавдию. Ведь так бывало в последнее время часто. Валентину становилось плохо после очередного застолья. Он лежал, охал, но потом отходил, оправлялся. Но на очередной гулянке на дне рождения брата ему стало так плохо, что пришлось вызывать «скорую», и госпитализироваться... А через несколько дней его не стало. Не сразу осознала Клавдия, что теперь на ней одной заботы не только о дочери – студентке московского платного ВУЗа, и сыне старшекласнике, но и о складе. Впрочем, от склада она сначала хотела отказаться в пользу брата мужа, желая по-прежнему оставаться бухгалтером. Но тот заявил, что не сможет разорваться между лесопилкой и складом. К тому же эта часть их совместной собственности документально принадлежала Валентину, и, значит, Клавдия его унаследовала. Передавать или продавать склад в третьи руки было слишком рискованно – можно нарушить столь успешно функционирующей на основе родственных отношений бизнес. В общем, уговорил. Так Клавдия стала хозяйкой склада.

2

После того как дотошная клиентка уяснила, что женщина за прилавком является хозяйкой этого склада... С нее как-то сразу сошел весь гонор, и она стала смотреть на Клавдию с интересом и неподдельным уважением. Договорившись об обмене некондиционных досок, она теперь удовлетворилась устными извинениями и более не выдвигала никаких требований.

Клиентка вновь приехала на склад через пару дней. На этот раз она сразу успокоила Клавдию:

– Нет, нет, я не с претензиями. Доски, что вы привезли на обмен все хорошие и их уже используют. Извините, но я приехала с вами поговорить, если, конечно, вы не заняты и не против.

Клавдия удивленно воззрилась на клиентку. Сейчас перед ней стояла не готовая к скандалу посетительница, а просто пожилая и довольно усталого вида женщина. Неужели она действительно просто заехала поболтать... о чем? Клавдии болтать некогда – самый наплыв заказчиков. То были в основном такие же дачники из товариществ. Были и поселковые. Последние, как правило, местные уроженцы, ставшие

городскими жителями, обитавшие в райцентре, или других городах Подмосковья, а то и в самой столице. В поселке у них, либо оставались престарелые родители, либо оставленные в наследство дома и земельные участки. Дома нуждались в ремонте, участки в огораживании. Когда были преодолены последствия дефолта 1998 года Москва и Подмосковье в общем стали жить неплохо, и деньги водились у многих. Ну, а где же на все эти ремонты и заборы взять стройматериалы? Ближе всего, да и дешевле только на «бобровском» складе. Правда, качество досок и бруса, что производилось на изношенном оборудовании в цеху, которым командовал деверь Клавдии, невысокое. Тем не менее, отбоя от покупателей не было. Если возникали претензии, Клавдия никогда не «лезла в бутылку», а вежливо обещала обменять... и обменивала.

Клиентка, хотевшая о чем-то поговорить, увидев, что хозяйке склада явно некогда, однако от своей затеи не отказалась, она сказала, что заедет попозже, а сама поехала, сначала в поселок, отовариться в продовольственном магазине, потом на свою дачу, проследить как идет постановка забора. Вторично она подъехала к складу ближе к вечеру, когда поток покупателей-заказчиков иссяк, а рабочие грузили и развозили последние заказы:

– Еще раз извините. Я все же хочу с вами поговорить. Вы сейчас свободны?

Вообще-то Клавдия опять была занята, ибо «подбивала» отчетную документацию за день. Потом надо пересчитать, дневную выручку... Но отказать второй раз за день хотя и бывшей клиентке она постеснялась, и потому, быстро убрав накладные и пачку купюр в сейф, сказала, что не занята и готова ее выслушать.

– Не сочтите за дерзость, но позвольте поинтересоваться, как вам удалось организовать здесь свой бизнес. Зачем мне это нужно? Я вам это потом объясню, поверьте не из праздного любопытства. Кстати, как вас зовут? ... А я Анна Николаевна...

Каким-то непостижимым образом Анна Николаевна, вроде бы совершенно посторонний человек, сумела подвигнуть Клавдию на откровенность. Та поведала, как стала хозяйкой склада, а фактически вкратце историю всей своей жизни. Рассказ неоднократно прерывали. Это в контору заходили либо шофер, отвезший очередной заказ, либо рабочие-узбеки, также довольно бесцеремонно заходящие по каким-то вопросам. Отношения между хозяйкой и рабочими сложились, если не панибратские, то очень демократичные, и судя по изменению выражения лица Анны Николаевны, это ей очень не понравилось, но она промолчала. В шесть вечера рабочий день кончился, и Клавдия засобиралась домой, а Анна Николаевна все не уходила.

– Вы далеко живете?– поинтересовалась она.

– Да, идти почти на другой конец поселка. По дороге еще надо продуктов купить, а то сын, скорее всего, в магазин забыл сбегать. Целый день до него дозвониться не могу, наверное, мобильник дома оставил. Он у меня такой, если не напомнить, сам никогда не вспомнит,– Клавдия все это говорила, чтобы у гостя не возникло желания ее задержать и продолжить разговор.

– А где ваша машина? Наверное, где-то в ангаре стоит? – задала несколько неожиданный вопрос Анна Николаевна.

– Да нет, – как-то виновато улыбнулась Клавдия, – я не на машине, я пешком.

– Как, пешком, а разве у вас нет машины? – искренне изумилась гостя.

– Вообще-то я, конечно, могу купить, средства у меня есть. Но знаете, я боюсь за руль садится и учиться водить совсем не хочется. Меня после работы часто наш шофер на своем грузовике подбрасывает. У мужа была, старый «Москвич», но он в таком ужасном состоянии. Все собирался внедорожник приобрести, да так и не собрался, не успел.

– Вот что, Клавдия, поскольку вы свой грузовик уже отпустили, то я вас на своей машине отвезу, и в магазин заедем. И не отказывайтесь, мне это совсем нетрудно. По дороге еще и пообщаемся. Поверьте, нам есть о чем поговорить. Вы не против?

Клавдия никак не могла уразуметь, что же этой пожилой дачницы от нее нужно. На предложение о продолжении знакомства она лишь неопределенно пожала плечами, что, впрочем, Анна Николаевна восприняла как согласие. Тем не менее, потом целую неделю странная клиентка на склад больше не навещалась, и Клавдия стала про нее забывать, когда она вновь появилась и опять ближе к вечеру. Едва поздоровавшись, Анна Николаевна тут же и объяснила причину своего недельного отсутствия, хоть ее о том и не спрашивали:

– Насилу забор свой закончила. За этими рабочими нужен глаз да глаз. На что уж я, человек опытный, знакома с их ментальностью и знаю, как с этими бабаями общаться и то за всем уследить не успевала. То доски норовят сэкономить и на сторону сплавить, то цемент, то еще что. Кстати, а ваши узбеки как работают, не воруют?

– Да, как-то не замечала. Может, и приворовывают. Знаете, у нас тут и объемы большие и возврата, как с вами, много идет. Один раз заметила, как они этот возврат втихаря через

забор кидали. Наверное, потом они его кому-то по дешевке продали, – неожиданно для самой себя откровенно поведала Клавдия.

– И вы, что, это им спустили?

– Да, нет, вызвала бригадира, предупредила, чтобы такого больше не было. Вроде, больше не замечала, – не очень уверенно констатировала Клавдия.

– Просто они стали более осторожны. Я даже уверена, что они продолжают это делать. В нашем дачном товариществе есть такие деятели, которые ворованные доски покупают. Хотите, я вам укажу точный адрес, где целый штабель, по всей видимости, ваших досок. Причем хозяин у вас никогда ничего не покупал. Сто процентов, это дело рук ваших рабочих, – ничуть не сомневалась Анна Николаевна.

– Знаете, я это знаю, но сделать ничего не могу. Ну, что могу я, женщина, я ведь их даже побаиваюсь. Они же... ну они не такие как мы, мало ли что у них на уме, зарежут еще, – совсем понизив голос, призналась Клавдия.

– Вы не поверите, но я примерно так и думала. Вы ведь раньше никогда не сталкивались с азиатами, потому и опасаетесь их, подсознательно, инстинктивно. Вы бы их с удо-

вольствием уволили, но местные за такую зарплату работать не станут, а нанимать других гастарбайтеров вы тоже опасаетесь, вдруг еще хуже окажутся. Потому терпите этих... Верно? – Анна Николаевна пытливо вглядывалась Клавдии в глаза.

В тот вечер Анне Николаевне и Клавдии не удалось долго поговорить. Однако случилось то, чего Клавдия никак не ожидала – ей вдруг стало очень интересно общаться с этой собеседницей. Та буквально угадывала ее умонастроение, ее мучения с этим складом. Более того, Клавдия осознала, что Анна Николаевна искренне сочувствует ей и даже хочет помочь... Они стали встречаться регулярно, и в один из вечеров Анна Николаевна поведала, откуда у нее опыт общения с выходцами из Средней Азии:

– Я жена офицера, мой муж полковник в отставке. Он в течение четырех лет командовал полком в одном из городов Ферганской долины. До того мы служили в основном в России, а после выпуска из Академии мужа направили туда, в ТуркВО, Туркестанский военный округ. Там я воочию убедилась насколько тамошняя действительность отличается от российской. И дело не в природе и климате, хотя конечно летом там невероятно жарко, дело в людях. Действительно, там живут совсем не такие люди как мы. Сначала я их тоже побаивалась, но потом привыкла и поняла, что если их не бояться, они сами начнут бояться вас. Народ там, в основ-

ном, забытый. За время советской власти в этом плане мало что изменилось. Только вместо баев, ханов, эмиров стали секретари обкомов, райкомов, председатели колхозов. Но к рядовым людям эти новоявленные баи относились, так же, как и прежние – как к скоту. Особое отношение у них и к женщинам. Своих они вообще за людей не считали и очень не любят, когда русские бабы там вели себя так же как привыкли в России. Например, их бесили открытые платья, или когда женщина в общественном месте громко разговаривает, смеется. И когда мы из военного городка выходили в город политработники нас инструктировали, чтобы вели себя как можно тише и скромнее. Ну, уж зато на территории городка мы, как сейчас говорит молодежь, отрывались по полной и плевать хотели, что среди прапорщиков и гражданских служащих полно местных. Одевались как хотели, в платья с открытой грудью и короткие юбки, говорили как хотели и смеялись нарочно громко. Там у нас на территории части имелся открытый бассейн. Летом без него было просто невозможно жить – жара до сорока градусов и больше. Возле этого бассейна собирались семьи офицеров. Женщины все в купальниках человек с полсотни, и в основном молодые от 20-ти до 35-ти. Мне тогда было чуть за тридцать. Так вот, мыкупаемся, загораем, болтаем, ржем, а за нами изо всех углов подсматривают, в основном узбечня. Они там просто с ума сходили, с оттопыренными штанами, глаза на почти голых русских баб, все, начиная от перелезших забор подростков

до сорокалетних прапоров. У нас там, в части почти все прапора и вся гражданская обслуга из местных была. И солдаты тоже любили подсматривать, в основном азиаты и кавказцы. Поверите, со службы под любым предлогом срывались, рисковали взыскание получить, и все ради того, чтобы на загорающих русских баб поглазеть. И в городе, даже если в скромном платье идешь, они почти все на тебя как коты на масло смотрят. Но мы их будто не замечали, игнорировали, как говорится, в упор не видели. Хоть и опасались, но мы там себя выше их чувствовали, белыми женщинами, и они для нас мусором, черную были. И они это молча принимали. На территории части, если я, например, иду хоть в чем, хоть в сарафане, хоть в брюках ни один местный, ни молодой, ни старый мне не то, что замечания сделать, дорогу не уступить не смел. Военный городок это была русская территория, и мы там чувствовали себя хозяйками.

И вот сейчас, уже в России, что я вижу. Я иногда просто ужасаюсь от того, что творится. Мы здесь у себя дома и должны быть хозяевами. А они гастарбайтеры, приехавшие к нам, чтобы не умереть с голоду. Понимаете, к чему я клоню? Не вы их, они вас должны бояться, бояться, что оставите их и их семьи без куска хлеба. Поверьте, азиаты это не кавказцы, они очень боязливы. К тому же вы местная и вы их работодатель. А они к вам в контору, как к себе домой заходят. Как они к вам обращаются?

И вновь Клавдия, покраснев от смущения, призналась:
– По имени... Клава.

– Какая вы для них Клава. Как ваше отчество? ... Значит для них вы Клавдия Михайловна, а еще лучше просто хозяйка. Если так себя поставите, у вас и воровство прекратится, и работать будут лучше. Они местом дорожить будут. А бояться их не надо, они совсем не страшные. Это кавказцы страшные. С ними лучше вообще дел не иметь. А эти, хоть узбеки, хоть киргизы, хоть таджики... Их легко можно в бараний рог согнуть.

Клавдии были в диковинку эти «просветительские» беседы. Проведшая всю свою жизнь в этом поселке, знавшую только свой дом и сберкассу, где она работала до фирмы... Клавдия даже тогда, когда на них с мужем свалилось относительное богатство, не могла толком осознать свой изменившийся социальный статус – она просто не привыкла быть богатой, значимой. И сейчас, имея немалый по провинциальным меркам доход, она вкладывала деньги не в себя, а в детей, что оставалось, располовинив на рубли и валюту, держала в сбербанке. Беседуя же с Анной Николаевной, она, вдруг, осознала, что жизнь вообще это не только то, весьма неприглядное существование, которое знала она, когда все вокруг живут примерно одинаково скучно, а многие так и бедно. Она искренне считала, что из женщин только всякие там «звезды», артистки и им подобные купаются в славе и удовольствиях. От Анны Николаевны она узнала, что удовольствия могут позволить себе не только звезды эстрады и кинематографа. Во все времена и обычные женщины могли «скрасить» себе жизнь. К этому, исподволь, все время подводила ее новая знакомая. Где-то на пятой беседе Анна Николаевна вдруг призналась:

– Эх, старая я. Если бы мне сейчас было столько же лет,

сколько вам, я бы тоже какой-нибудь бизнес организовала. Так же вот, черных бы наняла и делала бы с ними что хотела. Клава, ведь женский перечень удовольствий намного короче мужских. У них кроме работы могут быть и охота и рыбалка, и спортивное боление и вообще черти что. Например, один наш с мужем общий знакомый на досуге клеит макеты парусников и получает от этого процесса массу удовольствия и положительных эмоций. Другие коллекционеры, третьи автомобилисты, четвертые радиолюбители. А нам-то что остается: семья, кухня, ну сейчас можно еще стать, так называемой бизнесвумен. Быть же актрисой, певицей – это для немногих. А основной массе женщин что нужно? Конечно, одно, нужна любовь, вот наш основной, на все времена интерес, увлечение, источник удовольствий и эмоций, всяких, как положительных, так и отрицательных. Это доступно всем женщинам, но вот имеют эту самую любовь, совсем немногие. Большинство баб вообще в этом плане не живут, а мучаются. Нас советских так воспитали, как дальтоники, в черно-белом восприятии мира, либо ты примерная жена и мать, либо гулящая проститутка. Чушь, мир он не чернобелый, а цветной. До октябрьской революции многие знатные дамы имели любовников, и в то же время считались отличными женами и матерями. Лев Толстой в образе Анны Карениной совсем нетипичный пример привел. Сам-то он по молодости еще тот ходок был, а как на баб перестало тянуть, так святым заделался – лицемер. А при советской власти только такие

как Галина Брежнева могли жить, как хотели, мужей, любовников как перчатки меняла. Но таких были единицы, а большинство, вон как бабка моя, торф лопатой месила. Внутри семьи женщине очень трудно стать подлинно счастливой. За редким исключением супруги уже после нескольких лет совместной жизни не испытывают друг к другу никаких чувств, тем не менее продолжают жить вместе, мучить друг друга. Я чего хочу сказать, Клава, это ваше горе, то, что вы потеряли мужа... Только вы поймите меня правильно и не обижайтесь, это обстоятельство как медаль имеет две стороны. И то, что у вас имеется вот этот склад, это предоставляет вам такие возможности. Вы понимаете, о чем я?

Подготовленная всеми предыдущими беседами, Клавдия очень даже поняла Анну Николаевну и... испугалась, даже запаниковала:

– Нет... нет... я не могу... я не готова... у меня дети... мне уже сорок... потом я так выгляжу.

– Детям сколько лет? – тут же спросила Анна Николаевна.

– Девятнадцать и пятнадцать.

– Они уже взрослые и, поверьте моему опыту, через несколько лет вы им будете совсем не нужны, разве что для получения материальной помощи. Во всяком случае, на ва-

шу личную жизнь им уже сейчас наплевать, а позже и по-
давно будет. А что касается возраста, в том то все и дело, у
вас осталось всего несколько лет. У меня их уже нет, а у вас
еще есть. Я желаю вам успеть насладиться настоящим жен-
ским счастьем. А насчет внешности... У вас отличная внеш-
ность. Вам кто-нибудь говорил, что вы напоминаете артист-
ку Наталью Гундареву, до того как она начала принудитель-
но худеть, чем и довела себя до преждевременной смерти.
А ведь ту Гундареву в возрасте тридцати-сорока лет многие
мужчины считали настоящей красавицей. А у азиатов этот
тип русских женщин всегда был в цене, они всегда с ума схо-
дили при виде белотелых, полнотелых, округлых. Я-то уж
знаю. Лет пятнадцать назад я тоже выглядела примерно как
вы сейчас. Так вот когда я шла в обтягивающих брюках и
блузке, я видела, как узбеки-прапорщики провожали меня
взглядами, упертыми в мою задницу. Как-то при этом один
другому что-то говорил. Я примерно запомнила слова, но
по русско-узбекскому разговорнику перевести их не смогла.
Тогда я спросила у местных русских женщин, понимающих
по-узбекски, и они мне пояснили, что те прапора говорили
примерно так: Ох какая женщина, ох какой курдюк, ох какие
сиськи, ох какие ляжки. Почему у русских женщин все это
есть, а у наших почти не бывает? Конечно, это все бескуль-
турье, но мне почему-то стало не только неудобно от такого
перевода, но и в некотором роде приятно. Они хоть говорят
прямо, что им нравится. А наши мужики... надоело их ли-

цемерие, вместо того чтобы прямо сказать врут про глаза, да про душу, а сами так же в первую очередь смотрят на грудь, ляжки и задницу...

Клавдия внимательно слушала и с последним выводом, в общем, согласилась про себя, а вот насчет своего сходства с Гундаревой...

– Вы это серьезно, что я на Гундареву похожа? Знаете, это моя любимая актриса с детства. Я чуть не зарыдала, когда узнала, что она умерла. Но нет, не может быть, что я на нее похожа. Она же такая... особенно в «Сладкой женщине», или там где она с Константином Райкиным играет, как тот фильм называется?

– Труфальдино из Бергамо, – подсказала Анна Николаевна.

– Да-да, но там же она просто красавица, а я...

– И вы тоже. Только вам одеваться надо иначе, не скрывать формы под этим ужасным халатом. Если стесняетесь одевать прилегающие вещи, попробуйте полуприлегающие, а этот уродующий вас халат снимите. Такой только семидесятилетней бабке впору. Потом, вам надо сделать прическу, руки в порядок привести. И еще, не бойтесь обнажать плечи, верх груди, можно даже пупок, ведь это сейчас так модно.

Но конечно все это не для этих,— Анна Николаевна кивнула на мелькавших за окном конторы рабочих. Гоните их, наймите моложе и симпатичней. Ну, а если даже оставлять этих, то сначала их надо поставить на место. Но все равно двух-трех надо уволить, Вы же здесь хозяйка, вы вольны делать все что хотите, в том числе и выбирать тех рабочих, которые вам нравятся... и не только для работы, — с многозначительной улыбкой добавила Анна Николаевна.

— Но как же, нет, слухи пойдут, потом от стыда сгорю, да и перед детьми... — неуверенно возразила Клавдия.

— Вы боитесь огласки? Не бойтесь. Узбеки не только забитый, но и молчаливый народ. И если вы поставите себя с ними настоящей хозяйкой, они будут немы как рыбы, чтобы вы тут не делали. Уж я-то их знаю. Поймите Клава, у вас еще есть время, но его не так уж много, ближе к пятидесяти, когда ваши дети будут совсем взрослыми и упорхнут от вас, тогда будет уже поздно. Вот мне сейчас пятьдесят четыре и я чувствую себя совершенно никому ненужной, хоть и была все время образцовой женой и матерью, никогда не изменяла мужу, а сейчас как у разбитого корыта. А вам и изменять никому не нужно, вы ведь совершенно свободны. У вас уникальная ситуация, не упускайте свой шанс. Поверьте, он мало кому выпадает в вашем возрасте...

Нет, не могла, вот так сразу, Клавдия принять мировоззрение Анны Николаевны. Все что та ей рассказывала и советовала, ей поначалу казалось дикостью, для нее обычной русской бабы, провинциалки. Как же это вообще можно жить для себя, наплевав на все, когда сорок лет прожито совсем по-другому, и все ее ровесницы, знакомые, все прожили по-другому, да и ее предки по женской линии тоже никогда не жили для себя, ради удовольствий. Нет, измены случались, некоторые из ее подруг даже регулярно «ходили налево» при живых мужьях. Но сказать, что они от тех «хождений» получали какое-то удовольствие, от левого «перепиха» где-то в сарае или стогу соломы, не говоря уж о моральном аспекте... В поселке таковым бабенкам потом жить было очень тяжело, даже тем про кого можно было сказать словами пословицы: «ей хоть плюй в глаза – все божья роса».

Она наверняка знала, что и с собственными мужьями мало кто из женщин испытывали это самое наслаждение, истинное удовольствие, особенно с возрастом. Да и вообще при той «счастливой» советской жизни, что проживали рядовые женщины, от не проходящей усталости как физической, так и моральной, они вообще забывали об обычных женских удовольствиях. Ведь после рабочего дня им, как правило, была уготована «вторая смена», работа по дому, убрать, обстирать, приготовить пищу на всю семью. При такой жизни абсолютному большинству женщин было не то,

что не до любовников, собственный муж в постели без надобности – засыпали едва падали в кровать. Причем старшему поколению пришлось значительно тяжелее, чем поколению Клавдии. Это она знала на примере своей матери и бабки. Бабка проработала полтора десятка лет кочегаром (!) на паровозе. Да-да, женщины в СССР, во всяком случае русские, не только укладывали шпалы, но и работали кочегарами в военные и послевоенные годы, то есть кидали лопатами уголь в паровозную топку. Правда, надо уточнить, таким трудом женщины занимались только в России, ну еще в Белоруссии. То же можно сказать и об укладке шпал. Даже на Украине, не говоря уж о других «угнетенных и оккупированных» республиках, такого за исключением русскоязычного Донбасса нигде не было. Бабка от последствий этого «социалистического» труда, конечно же, долго не прожила, скончалась в пятьдесят три года. У матери сложилось полегче, она пошла не в кочегары, а в проводницы. Тоже еще та жизнь. Проводником был и ее муж, отец Клавдии. Вечно в рейсах, вечно на колесах... в результате, заработали у МПС так называемую квартиру, в бараке, вот в этом поселке. Барак – самое сильное впечатление детства Клавдии. Она часто оставалась одна, когда родители надолго уходили в рейсы. Она запиралась и дрожала от страха, ибо по ночам в барачном коридоре орал, дрались, матерились, ломились, ошибившись дверью, пьяные. Родители, нахлебавшись «железнодорожной» жизни, строго-настрого запретили дочери свя-

зывать с ней же и свою жизнь, в результате чего она и поступила в финансовый техникум.

У матери имелось полным полно возможностей если не завести роман во время рейса, то хотя бы изменить мужу, но она этого не делала – Клавдия знала это доподлинно. Сама жизнь, нелегкая работа, житейская неустроенность, как правило, отбивала у женщин даже позывы к какому-либо флирту, разве что у совсем разбитных. Но таковых среди проводниц того поколения было немного. Изменял ли отец матери? Вот этого Клавдия не знала. Отец сумел сделать на своем поприще небольшую карьеру и перед пенсией ездил в рейсы в качестве бригадира проводников, и у него в подчинении было много проводниц, то есть возможность у него имела... теоретически. Но позволяло ли здоровье? Родители также прожили недолго, отец умер едва вышел на пенсию в шестьдесят два года, мать в шестьдесят пять. Правда денег они все же скопили и уже в самом начале Перестройки купили в этом же поселке свой собственный дом, с земельным участком и съехали с барака. Потом этот дом по наследству достался Клавдии.

Как же все, что знала о жизни Клавдия, отличалось от того, что рассказывала Анна Николаевна. Она была уверена, что в советские времена все простые люди выживали в упорной борьбе за всевозможный продуктовый и промтоварный

дефицит. Она сама отлично помнила восьмидесятые годы, свою юность, когда вместе с тогда еще живой матерью на «продуктовой» электричке по выходным ездила в Москву за колбасой и всем, что можно было купить только там, выставляя по многу часов в километровых очередях, чтобы «затарившись» поздно вечером вернуться домой. Оказывается в это же время кто-то жил по-другому, и не обязательно то были родственницы очень больших начальников. Там, в той жизни, о которой поведала Анна Николаевна женщины хотя бы пытались быть женщинами, здесь... здесь это было почти невозможно.

Общение с Анной Николаевной заставило Клавдию задуматься о том, о чем раньше она и помыслить не могла. Ей все более нравилось слушать эту почти на полтора десятка лет ее старше женщину. Ее суждения подкупали какой-то одновременно и нестандартностью и в то же время естественностью. Клавдия слушала, впитывала... но последовать ее советам, стать своего рода хозяйкой своей судьбы, в том числе и стать, как та выражалась, «белой женщиной», госпожой. Нет, Клавдия не то что бы не хотела, она оказалась не способна к этому на генетическом уровне. Ведь по большому счету подавляющее большинство русских женщин только по внешности были «белыми». А госпожами, хозяйками... Хозяйками, после изгнания, истребления и искоренения дворянства они не были никогда. Даже постсоветские «бизнесвумен», или жены

«новых русских», вышедшие хоть из «грязи», хоть из комсомола или НИИ, даже за рулем дорогих иномарок, посещая дорогих визажистов и фитнесклубы, даже увесив себя драгоценностями... Они в основном выглядели примерно так же, как те третьесортные артистки из низов в ролях цариц, княгинь и графинь, или широко известная Ксения Собчак «во дворянстве».

И уж тем более не могла себя вообразить госпожой Клавдия, чья бабушка была кочегаром, а мать проводницей. Правда, внучка «торфяницы», ставшая женой полковника, Анна Николаевна морально была как будто подготовлена к роли госпожи, но, увы, ей не повезло, так сказать, по срокам, когда воцарился капитализм, она стала уже слишком пожилой. Клавдия же не могла даже повысить голос на тех же рабочих-узбеков, одернуть и поставить на место, когда они плохо и медленно работали, или даже приворовывали доски. Почему она их даже побаивалась? Опять же, видимо сказывалось советское наследие, с одной стороны проповедуемый советской властью интернационализм, с другой среди русских всегда бытовало мнение: «черные», чуть что за ноги хватаются, и к русским бабам пристают. То, что это было справедливо, в основном, только в отношении кавказцев не акцентировалось, так как большинство русских «черных» не разделяли, для них что кавказцы, что среднеазиаты, было все едино. Для Клавдии даже стало некоторой неожиданно-

стью, что никто из восьми уже не первый год работавших на складе узбеков даже не пытались к ней пристать, не говоря уж о том, чтобы по настоящему «зажать». Но вот «брат на горло» особенно в день зарплаты, это они делали регулярно. И Клавдия в эти моменты обычно терялась и... уступала. Правда, эти уступки существенно не сказывались на рентабельности склада – бизнес являлся очень прибыльным, а зарплата грузчиков даже с учетом того, что они выбивали «горлом» была невелика. Брат мужа, зная обстановку на складе, обещал помочь, раз или два в месяц приезжал, материл на чем свет стоит рабочих и бригадира. Те все это выслушивали со стоическим восточным терпением, а когда он уезжал, на складе вновь воцарялась полуанархия...

4

Анна Николаевна упорно продолжала советовать Клавдии:

– Гоните вы их в шею. Совсем разболтались, да и что это за работники, один дохлее другого. Надо найти покрепче и помоложе.

Узнав от Клавдии, что среди работающих на складе узбеков нет ни одного моложе тридцати лет, и есть даже кому за сорок... Впрочем, возраст рабочих Клавдия знала приблизительно, так как лишь при приеме на работу видела их паспорта и уже забыла даты их рождения.

– Как, разве их паспорта не у вас? Насколько я знаю, у всех гастарбайтеров работодатели сразу паспорта забирают, – удивленно отреагировала Анна Николаевна.

– Да, я знаю, но они мне их не отдают, – беспомощно развела руками Клавдия.

– И вы за это не дали им от ворот поворот?

Клавдия виновато опустила глаза:

– Я не могу их уволить, понимаете, они уже здесь несколько

ко лет работают, еще к мужу нанимались и вот так каждый год весной к сезону приезжают, а осенью уезжают. Я даже привыкла к ним. Но они обязательно почти все приезжают, – попыталась и в своих узбеках найти что-то положительное Клавдия.

– Ну, конечно, а где же они еще найдут такую работу, где можно сесть хозяйке на шею, да еще безнаказанно воровать. Сколько они тут у вас получают?

– Я плачу им не больше чем в других местах, грузчикам по восемь тысяч, бригадиру – десять, – словно испугавшись, что собеседница примет ее совсем за безалаберную, Клавдия поспешила озвучить эту весьма конфиденциальную информацию.

– Зато они тут у вас как хотят, так и работают. Да в других местах их бы ни за что не взяли на такую работу. Что это за грузчики такие, немолодые, мелкие, слабосильные. Я наблюдала, как они доски грузят. Ни один из них, больше одной шестиметровой доски не поднимает. За ту же зарплату вы бы могли нанять таких кто по две, а то и по три доски сразу бы поднимали. А так у вас скорость погрузки очень низкая и вы, наверное, не всех заказчиков успеваете обслужить.

– Да, бывают дни, когда два-три, а то и больше заказов приходится переносить на следующий день, – призналась

Клавдия.

Увольняйте их. Только не всех сразу, а по одному и нанимайте молодых. Они и к вам станут с большим уважением относиться, и работать лучше. Вы же будете заметно старше их, а у них к старшим уважение с детства воспитывается, – уверяла Анна Николаевна. – И еще есть один немаловажный фактор. Эти, что у вас сейчас работают, они либо вашего возраста, либо чуть моложе, то есть в советское время детьми или подростками были. А время развала Союза они застали в молодом, самом деятельном возрасте.

– Ну и что с того? – не поняла, куда клонит собеседница Клавдия.

Анна Николаевна помолчала, но все-таки решилась сказать то, что, видимо, не очень хотела:

– Понимаете, вы, то есть те русские, кто все время прожили, в такой вот российской глубинке не знаете, как в конце советских времен нацмены в своих республиках относились к русским. В Перестройку обстановка в том же Узбекистане стала более чем напряженной. Абсолютное большинство узбеков жили очень плохо, в семьях насчитывалось по многу детей, которых было очень тяжело кормить в условиях тогдашнего продовольственного дефицита.

– Они и сейчас говорят, что у них очень плохо, – вставила реплику Клавдия.

– Сейчас им некого винить в этом кроме своего президента и правительства, а тогда они весь корень зла видели в русских. Уже тогда там начались и убийства русских солдат, и изнасилования русских женщин. Жили как на вулкане. Где-то с восемьдесят девятого года выходить из гарнизона в город в одиночку стало небезопасно. Мы как раз оттуда в 89-м и заменились. А потом нам знакомые писали, что после развала Союза в отношении русских вообще беспредел начался. Где-то первые два-три года этой их независимости они от души поиздевались над оставшимися там русскими. И в первую очередь бесчинствовала молодежь. И как раз вот эти, – Анна Николаевна кивнула на рабочих за окном, либо принимали в тех бесчинствах участие, либо были их свидетелями. То есть к русским у них отношение изначально плохое. Ну, а более молодые уже по-другому воспитаны, чем эти.

– Но я, знаете ли, ничего такого от своих рабочих не замечала. Ни в свой адрес, ни вообще. И в поселке они себя тихо ведут, всегда вежливы, – не согласилась с собеседницей Клавдия.

– Здесь, в центре России, на агрессивное, вызывающее поведение в отношении местных жителей... на такое только кавказцы способны. А эти нет, эти в основном трусливые, я

же говорила, они по природе своей забитые. А что касается того, что они тут вежливые и к женщинам не пристают... для этого тоже есть своя причина. Они ведь всегда очень плохо питались, так же как их родители и деды. В средней Азии питались едва ли не хуже всех в бывшем СССР. По этой причине у их мужиков, как бы это сказать, сексуальное чувство после тридцати лет притупляется. Я думаю, что ваши рабочие, которые одну доску еле поднимают, не мужики в полном смысле слова...

И все же ничто не подвигло бы Клавдию на какие-нибудь конкретные шаги, никакая сама изощренная пропагандистская риторика Анны Николаевны если бы...

Где-то ближе к середине июля, во второй половине дня на территорию склада, несмело осматриваясь, вошел среднего роста, ладно сложенный молодой парень с ярко выраженной среднеазиатской внешностью. Увидев, отдыхающих в тени штабеля рабочих он подошел к ним и что-то спросил по-узбекски. Те ему ответили, указав на контору. В ходе короткого разговора стало очевидным, что рабочие почему-то без восторга выслушали своего соплеменника. Об том свидетельствовали их явно недружелюбные взгляды, которыми они проводили пошедшего в контору парня.

Клавдия услышала робкий стук в дверь, но сначала даже

не обратила на него внимания. Так еще никто никогда в эту дверь не стучал, ни рабочие, ни клиенты – все входили без стука. Тот же стук возобновился после некоторой паузы, но дверь так и не открывалась. Наконец, из криков рабочих по-узбекски со двора, Клавдия догадалась, что кто-то стоит у двери конторы-магазина и стучит в дверь, не решаясь войти без разрешения.

– Кто там? Войдите! – крикнула Клавдия, как обычно сидя за прилавком, который она сейчас использовала в качестве стола, выписывая накладные.

– Здравствуйте, – с акцентом но достаточно четко, хоть и негромко произнес вошедший, парень с короткими, черными как смоль волосами и застенчивым взглядом.

На вид ему было что-то в районе двадцати пяти лет, хотя по всему его старило усталое, небритое лицо. В тоже время одет он был просто, но аккуратно, в джинсы, коричневую рубашку и кроссовки. В руках парень держал небольшой, но, опять же, добротный аккуратный чемодан. Несмотря на то, что судя по всему, он преодолел очень длинный путь, от его облика веяло какой-то особой природной чистоплотностью, качество, весьма нечасто встречающееся у представителей южных народов.

– Здравствуйте, – ответила Клавдия и вопросительно посмотрела на вошедшего.

– Вы, Клавдия Михайловна? – стараясь правильно произносить слова и имя отчество, опять же с акцентом спросил парень.

– Да, это я.

– Я... я, – парень вдруг заволновался, как будто позабыв, что собирался сказать. После паузы он справился и продолжил. – У вас прошлый год работал Алимжан Парпиев. Он этот год не мог приехать. У него отец сильна больной. Он меня, вот, прислал... Он дядя мой... Мне можно у вас вместо него работать? Я любой работа могу делать, – в глазах парня была самая настоящая мольба.

Клавдия вспомнила Алимжана, который действительно работал у нее последние два сезона. Он должен был приехать и на этот год, но не приехал. Потому на его место взяли другого.

Клавдия развела руками:

– Что же ты так поздно, вместо твоего дяди уже другой работает.

От этих слов лицо парня как будто посерело, он сразу как-

то безвольно ссутулился.

– Не мог я раньше ехать, надо было помидор растить, убирать, моя семья на рынке помидор продает. Отец продает, а я с братьями и сестрами убираю и на ишаке в город вожу. Помидор собрали, вот я и поехал. Вы меня возьмите, я первый раз с Узбекистан приехал, десять дней ехал. Мне надо деньги домой привезти, у меня мать больной. Если не привезу, зиму голодный будем. У меня жена, три сестры и брат, все моложе меня. Жена беременный, после Новый год родить должна, очень деньги нужно...

Сначала Клавдия однозначно хотела отказать парню. Действительно, с какой стати ей брать лишнего человека, платить ему деньги. Но что-то удержало, от этого, вроде бы само-собой разумеющегося решения. Что? Она и сама, пожалуй, ответить не смогла бы. Может быть, та мольба в глазах парня, может его ненарочитая скромность, стеснительность, ладность, аккуратность, свежесть-молодость. Впрочем, если бы ее перед этим в течении двух недель соответственно не «обрабатывала» Анна Николаевна, Клавдия скорее всего отказала бы, не обратив внимания на все вышеперечисленные достоинства парня. Но сейчас она задумалась.

Парень, видя, что хозяйка колеблется, заговорил быстро, сбивчиво:

– Я все могу делать, таскать, грузить, убирать. Мне дядя Алимжан говорил, какой тут работа. Я все могу, я могу много работать. Возьмите меня...

– Как тебя зовут? – наконец, после раздумья спросила Клавдия.

– Рахим... Рахим я, – поспешил ответить парень.

– А фамилия?

– Как у дяди, Парпиев.

– Паспорт есть?

– Есть паспорт, вот, – Рахим с готовностью достал паспорт из кармана и подал.

Клавдия пробежала глазами записи по узбекски, задержав внимание лишь на годе рождения – 1986. «Значит ему двадцать два, на три года больше чем моей Катерине, и уже женат», – сами-собой родились мысли-рассуждения.

– Семь тысяч рублей в месяц, начало работы в девять, конец в шесть вечера. Но если возникнет аврал, работаем и после шести. Жить будешь здесь вместе со всеми в вагончике. Устраивает? – озвучила свое решение Клавдия.

– Что... вы меня берете? – не мог поверить своей удаче Рахим

– Так ты согласен на эти условия?

– Да-да... согласен, – с радостной дрожью в голосе отве-

тил Рахим.

– Тогда иди к бригадиру, пусть тебе место покажет где спать будешь. Да еще, выходной у нас воскресенье, а в субботу как придется, за субботу дополнительная оплата...

5

Радости Рахима не было предела. Во всей этой затее с поездкой в Россию, чтобы заменить дядю, он разочаровался еще по дороге. Впрочем, отговаривал его и сам дядя Алимжан:

– Пойми Рахим, ехать далеко и тяжело, и хоть ты неплохо говоришь по-русски, тебя вряд ли возьмут. Хозяйка склада хоть и хорошая женщина, но она всего лишь женщина, а те узбеки, с которыми я работал, не с наших мест, не кокандцы, они с Янгиюля. У них там что-то вроде мафии. Потом они все старше тебя и будут на тебе ездить, смеяться. Даже мне тяжело было с ними в одной бригаде. Они там кроме работы и свои дела делают, доски воруют и продают. А ты чужак, мешать им будешь. Место мое уже наверняка занято, скорее всего, там их земляк работает. Так что тебя там не ждут...

На вопрос Рахима, а что там кроме этого склада нету другой сезонной работы, дядя пояснил:

– Мы, узбеки, народ не наглый, и не очень дружный, потому там в Подмосковье, да и в Москве тоже лучшие места заняты азербайджанцами, армянами, грузинами, чеченами, дагестанцами. С ними нам не тягаться, они и наглее и дружнее. Потому нам и таджикам остаются самые плохие места.

На рынки лучше не суйся, убьют. Там даже местные русские торговать боятся, все в руках у азербайджанцев. В строительстве армяне и чечены хозяйничают. Этот склад, наверное, одно из лучших мест для нас, но там, я уже говорил, одни янгиюльцы, и тебя вряд ли возьмут...

Тем не менее, Рахим решил ехать. Многие его кишлячные односельчане ездили в Россию на заработки и почти всегда переводили оттуда деньги, или привозили с собой. Большинство, правда, скрывали, где и как они зарабатывали, и только дядя Алимжан был с Рахимом по-родственному откровенен. В дороге Рахим не раз пожалел, что не послушался дядю и поехал. Если до Ташкента добрался без приключений, то попасть на московский поезд оказалось непросто. В кассах билетов не оказалось вообще. Помыкавшись трое суток на вокзале, Рахим был вынужден купить билет с рук у спекулянтов, заплатив две с половиной цены. Это пробило такую «брешь» в его скудных денежных средствах, выданных ему дома, что в дороге ему пришлось ограничить себя в еде. Но даже не это было самым ужасным. Почти невыносимым испытанием стало преодоление в раскаленном плацкартном вагоне в сорокаградусную жару тысячекилометровой казахской степи. Поезд оказался ташкентский и бригада проводников тоже ташкентская, в дороге они подрабатывали тем, что подсаживали всех, кто напрашивался. Потому, пассажиров в вагоне набилось вдвое, а то и втрое против положенного. Ехали чуть не

на головах друг у друга, все полки, включая багажные, были заняты, в проходах стояли, сидели, лежали. Некоторые казахи, заплатив проводникам, умудрялись провозить с собой всякую живность: коз, баранов, кур, кроликов... Смерд в вагоне стоял такой! Очередь в туалет приходилось занимать за час до соответствующей процедуры. Правда, на российско-казахстанской границе всю эту публику как ветром сдуло. Дальше ехать стало куда легче, да и жара была уже не та. Когда подъезжали к Москве, стало даже прохладно, а Казанский вокзал встретил Рахима морозящим дождем. Если в дороге в основном мучила жажда, то здесь «доставал» холод. Рахим никак не ожидал, что летом может быть так холодно и сыро, особенно по ночам.

Из инструктажа дяди Рахим знал, что на том же Казанском вокзале ему надо сесть на пригородную электричку и ехать до места. Но он не ожидал, что на электричке ехать придется так далеко. Он думал, что нужный ему поселок находится совсем недалеко от Москвы, а ехать пришлось гораздо дальше, чем от Ташкента до Коканда. Свои последние рубли Рахим потратил на билет, который свободно продавался в кассе, но оказался весьма недешев. Если бы он имел опыт езды в российских электричках, он бы вообще билета не покупал, ибо воочию убедился, что большинство русских, особенно молодежь, ездят без билетов. При появлении контролеров они просто бегали от них из вагона в вагон.

И вот, наконец, уставший, голодный, без денег Рахим при-
был на склад, не веря, что здесь ему повезет. Но, хвала Алла-
ху, его взяли на работу, хозяйка пожалела, вошла в его бед-
ственное положение. Правда, как и предупреждал дядя «ян-
гиюльские ребята» встретили его без восторга. Когда Рахим
подошел к бригадиру с просьбой показать место ночлега, тот
выматерился по-русски, после чего сказал:

– погоди, сначала я сам с хозяйкой переговорю. Не за наш
ли счет она собирается тебе платить?

Бригадир с решительным видом рванул дверь конторы,
где пробыл минут десять, и вышел с постной физиономией.
В вагончике он недовольно буркнул:

– спать вон там, в углу будешь. Завтра с утра на работу.
Будешь сачковать – домой поедешь. Да, еще, мы с каждой
зарплаты по пятьсот рублей сбрасываемся на еду, готовим
и едим с общего котла. Ты как со всеми есть будешь, или
отдельно?

Рахим согласился есть со всеми.

Клавдия впервые проявила несвойственную ей до того
твердость, когда пресекла все попытки бригадира уговорить
себя не нанимать новенького. Она сказала, что так решила,
помочь племяннику Алимжана, и что на зарплате остальных
рабочих это не скажется.

– Зачем он нам, мы и так справляемся, – тем не менее, не унимался бригадир.

– Все, разговор на эту тему кончаем. Определи его на ночлег, ну и вообще, введи в курс дела...

Бригадир никак не ожидавший от Клавдии таких хозяйских ноток был вынужден смириться.

Все попытки янгиюльцев «прижать» новенького не прошли. Рахим сразу начал работать так, как не работал никто из них. Его работоспособность, основанная на немалой физической силе и выносливости, оказалась такова, что жаловаться на него было просто невозможно. Он один делал столько, сколько двое или даже трое янгиюльцев. Конечно, «сторожилам» это не нравилось, но сделать какую-нибудь пакость Рахиму они боялись, ибо того взяла под свое покровительство сама хозяйка.

Впрочем, сначала Клавдия посоветовалась с, в очередной раз заехавшей к ней, Анной Николаевной.

– Я нового рабочего наняла, – сообщила она уже ставшей ей чем-то вроде старшей подруги дачнице.

– И никого не уволили? ... Зачем вам еще один?

– Да нет, этот не такой. Он племянник рабочего, что тут в прошлые годы работал, а в этот не смог приехать, – пояснила Клавдия.

– Так он, что молодой? – сразу заинтересовалась Анна Николаевна.

– Ну да, двадцать два года, и он мне сразу свой паспорт отдал. Работает как зверь. Вот только, боюсь, как бы здесь его не заездили. Они ведь все здесь из-под Ташкента, а этот... забыла, рядом с каким-то городом его деревня. Вспомнила, кажется Коканд.

– Это в ферганской долине, только почти на самом входе, – задумчиво произнесла Анна Николаевна. – И, говорите, хорошо работает?

– Просто замечательно, за все берется и такой сильный, – чуть не с восторгом поведала Клавдия.

– А внешне как... он симпатичный? – неожиданно спросила Анна Николаевна.

Вопрос поставил Клавдию в тупик, она даже покраснела и несколько смутилась.

– Не знаю... ничего в общем, молодой ведь. Но работник очень хороший, – решила свернуть со скользкой темы Клавдия.

Но от Анна Николаевны не укрылось ее смущение:

– Да, не тушуйтесь вы. Ох, все эти условности, как они обедняют жизнь, прежде всего нам, женщинам. Вы не задумывались, почему женщине, чтобы получать от жизни все удовольствия надо становиться либо императрицей, как Елизавета, или Екатерина, или великой певицей, как Пугачева. Вы еще скажите, что он мальчик, вам в сыновья годится.

– Он... он женат. У него жена беременная, – таким образом, Клавдия поведала, что новый рабочий не «мальчик».

– Тем лучше, тогда вам, так сказать, даже растлевать его не надо, – засмеялась Анна Николаевна. – Чушь все это, смотрите на вещи проще. Он мужчина, а вы женщина, и он от вас зависим. В начале девяностых, когда рушился Союз, узбеки в его возрасте изнасиловали столько русских женщин под лозунгом, русские убирайтесь домой. А сейчас раз они сюда приехали, пусть отдадут долги. К тому же вы ведь не собираетесь его насиловать? – Анна Николаевна пыталась говорить серьезно, но в глазах пряталась усмешка.

И Клавдия не стала ни возмущаться, ни оправдываться, она просто перевела разговор:

– Как вы думаете, стоит ли мне взять его... как бы это, под защиту, покровительство. А то я заметила другие рабочие и бригадир на него враждебно смотрят, самую грязную и тяжелую работу наваливают.

– Конечно. Вызовите бригадира и пообещайте кого-нибудь уволить. Если не подействует – увольте, ведь этот новенький его легко заменит...

6

Увольнять Клавдия никого не стала, но с бригадиром поговорила, пригрозила, и тот, действительно испугался. Она не грозила увольнением, она просто высказала ему ряд претензий в деле руководства бригадой, и в числе прочих промахов выразила недовольство тем, как он относится к новичку. Бригадир это принял к сведению и, по крайней мере, внешне дискриминация по отношению к Рахиму прекратилась. Но Клавдия пошла и дальше. В один из рабочих дней с утра она заявила бригадиру, что забирает новичка в свое распоряжение, навести порядок в подсобке при конторе. Там надо было переместить из подсобки в магазин кое какие товары, чтобы расположить их поближе к прилавку.

Клавдия хотела, чтобы он перетаскал самые тяжелые пятидесятикилограммовые мешки с цементом и сухой строительной смесью. Но Рахим, увидев, что хозяйка облачившись в рабочий халат, стоящие там же банки с краской собирается носить сама, тут же сказал ей:

– Я все сделаю сам. Вы только показывайте куда ставить.

И действительно он быстро и сноровисто перетаскал все, и цемент, и смесь, и краску, и растворитель... Видя как ра-

ботали другие рабочие ее склада, она как-то исподволь приучилась к мысли, что тот же мешок в пятьдесят килограммов, можно поднять не менее чем двоим рабочим. Причем делалось это ими так натужно, а то и с проклятиями по-узбекски. Потому она была удивлена как однажды, когда она привезла такой мешок к себе домой и его хоть и с трудом, но смог дотащить от машины до сарая ее 16-ти летний сын. Из ее рабочих никто ни разу в одиночку такой мешок поднимать не решался. Анна Николаевна объясняла это в своем духе, де почти все узбеки так плохо питались в советское время, что фактически выродились и если бы не овощи и фрукты, что там урождались в большом количестве, половина населения вообще бы с голоду умерла. А того же мяса в их рационе всегда катастрофически не хватало.

Однако сейчас, видя как работает Рахим, Клавдия воочию убедилась, что выросшее в Узбекистане постсоветское поколение стало питаться заметно лучше своих предшественников. Во всяком случае, Рахим был не просто сильнее своих старших соплеменников, он их превосходил не менее чем в два раза. Мешки с цементом он таскал чуть не играючи, краску брал сразу по несколько банок. Передвигался полубегом, при этом умудряясь ловко, не задевая, огибать засмотревшуюся на него и не успевающую освободить прямую дорогу хозяйку.

Когда Рахим закончил, Клавдия, не сдержав восхищения, поблагодарила его:

– Вот спасибо, молодец. Теперь до обеда можешь отдыхать, так и скажи бригадиру, что я разрешила.

Но Рахим отказался от отдыха:

– Я не устал совсем. Пойду, помогу машину разгрузить.

Он пошел к машине, что только подошла с лесопилки, и принялся вместе с остальными сгружать доски и брус. День был солнечный, теплый. Рахим, сняв рубашку, остался в майке. Клавдия вновь засмотрелась на него теперь уже из окна конторы. Еще где-то в конце девяностых по телевизору часто показывали рекламный ролик: женщина с балкона с чашечкой рекламируемого кофе засматривается на одного из дорожных рабочих, молодецки обнажившего красивый, мускулистый торс. Так и она сейчас засмотрелась на Рахима, на мускулы перекатывающиеся под смуглой кожей на его руках, лопатках, на его сильные, ловкие движения. Контраст с худосочными соплеменниками был разителен. Они с такими мученическими минами таскали эти доски и брус, он работал также как у нее в подсобке, легко, быстро, почти с удовольствием.

Во время очередного визита Анны Николаевны, Клавдия вдруг слегка смутившись, обратилась к ней с просьбой:

– Как вам кажется, как я выгляжу и можно ли что-то изменить в лучшую сторону?

Анна Николаевна понимающе улыбнулась:

– Выглядите вы на данный момент не очень, вернее на свои годы. Я вам об этом уже говорила. Но у вас во внешности заложена такая природная женская привлекательность, что это очень легко исправить. Хотите узнать как?

– Конечно.

– Первое – прическа и маникюр, второе одежда. И все.

– Как все? – удивилась Клавдия.

– Все остальное, а именно сдобное тело русской женщины у вас есть и соответствующее лицо тоже. Только все это нужно должным образом подать, чего многие из наших женщин либо не умеют, либо стесняются. Ох уж эта стеснительность. Только когда до старости доживаем, начинаем по-настоящему понимать, что бабий век недолог. Но имеет место и другая крайность, многие бабы себя уже в сорок, а то и раньше начинают осознавать старухами, – Анна Николаевна сделала паузу, многозначительно посмотрела на Клавдию и продолжила. – Здесь, конечно, и многие внешние факторы сыграли отрицательную роль. И мужья из русских мужиков, как правило, неважные и дети часто неблагодарные и наше государство в основном на бабах выезжало, причем строго

на русских. Вот вы говорили, что ваша бабушка кочегаром на паровозе работала. А сколько ее сверстниц, да и более молодые, то же мое поколение, и кирпичи таскали и землю рыли и лес валили на всех этих комсомольских стройках, в то же время ни узбечки, ни киргизки забитые, или казашки, такой работой никогда не занимались. Да, жили они впроголодь, но чтобы на железной дороге, или грузчицами, нет, так только русские бабы позволяли над собой издеваться родному государству. Я-то сама, вам уже говорила, что тоже из простых, моя собственная бабка двадцать лет на торфоразработках вкалывала, лопатой торф на транспортер кидала. Несколько раз в торфяные пожары попадала, еле спаслась, а несколько ее подруг сгорели заживо. Ох, и поиздевались над нашими родительницами и прародительницами мужики и власть. Чтобы этот грех отмолить, они нам их наследницам должны создать все условия для безбедной жизни и предоставить полную свободу в поступках. А раз они ни того, ни другого не могут, или не хотят, то мы имеем полное моральное право вести себя как хотим на правах наследниц тех, кто эту страну на своих бабьих плечах весь прошлый век тащили. И на любовь, на такую, какую захотим, имеем право, потому что у наших матерей бабок и прабабок ни жизни, ни любви нормальной не было, почти у всех...

Клавдия слушала эти необычные откровения женщины, которая за месяц знакомства стала ей очень близка, более то-

го их как будто прочно связала какая то незримая нить. Анна Николаевна чего-то не договаривала, о чем-то говорила в общих чертах, но Клавдия понимала буквально все, включая «подтекст» мыслей, высказанных новой подругой. В контору заходили рабочие, заказчики, но прерванная беседа всякий раз возобновлялась. Анна Николаевна приводила примеры и из личной жизни:

– Как вспомню, сколько у меня было этих возможностей, закрутить любовь. В армии ведь всегда наблюдался определенный женский «дефицит». Нет, супружескую верность берегла, дура. Первый раз это случилось где-то в конце семидесятых. Мы служили в малюсеньком закрытом гарнизоне. Для ремонта офицерских квартир там использовали солдат, владевших строительными специальностями. И вот для проведения планового ремонта в нашей квартире муж привел такого солдата, и он у нас работал где-то с неделю. Мне тогда было двадцать пять лет, у меня только родился ребенок, ну а солдатику лет восемнадцать-девятнадцать, симпатичный такой хохленок. Я почему-то посчитала, что раз он моложе меня на несколько лет, то меж нами не может быть иных отношений кроме, он мальчик – я тетя. Потому, когда он работал, я ходила по квартире как обычно по-домашнему в гамашах и легкой кофточке. Сейчас уже гамаша не носят, это такое обтягивающее типа колготок, но из шерсти. И вот я, уверенная, что никакого чувства у этого мальчика вызвать

не могу, потому как старше его, хожу в этих самых гамашах и кофтенке без бюстгальтера и вдруг замечаю, что он, не прерывая работы, из под тишка, на меня поглядывает. А если я этот взгляд перехватывала, тут же краснел и отводил глаза. Уже с годами я поняла, в чем все дело. Представьте, молодой парень, заперт в казарме, женщин почти не видит, а тут нате, рядом мелькает эдакая сдобная бебенка. А я тогда после родов хорошо поправилась, особенно внизу и смотрелась очень аппетитно. Вот он и видел как из этих гамаш бедра, зад и живот выпирают, а под кофтенкой груди от каждого движения ходуном ходят. Представьте, каково ему было сдержаться, да еще при этом работать. Да я бы только поманила его, он бы... Но я, конечно, не поманила. И потом, сколько у меня таких возможностей было. Еще один примечательный случай, когда я уже была, так сказать, в ранге жены командира полка. На меня тогда уже тридцатисемилетнюю молодой лейтенант-холостяк глаз положил. На восьмое марта дело было. Муж мой на водку слабый, и тогда рюмки четыре выпил и готов, прямо за столом отрубился, и ответственный за это мероприятие замполит куда-то отлучился, ну и наша вечеринка дальше пошла на автопилоте. Вот тут увидев, что начальства как бы и нет, тот лейтенант и давай меня танцевать приглашать. А лет ему где-то года двадцать два, двадцать три было тогда. Видно ему нравились женщины старше его и особенно крупные, ну а я тогда уже двух детей имела и носила где-то пятьдесят четвертый раз-

мер, да и грудь, бюстгальтер четвертый номер носила. Это я сейчас несколько расползлась, а тогда у меня еще и талия была и бедра фигурные. Танцуем, а он на меня как кот на масло, осмелел от водки. На втором танце начал он меня потихоньку, будто невзначай лапать. Нащупывает складки на талии или чуть ниже и мягко пальцами перебирает. Я сделала вид, что не заметила. А потом он вообще обнаглел, когда мы оказались в менее освещенной части зала полкового клуба, где все это мероприятие происходило, он руку с талии опустил мне на задницу и попытался завести за колонну, чтобы уже просто зажать меня, там нас бы никто не увидел. Сделай я ему тогда хоть маленький намек, на возможность осуществления его желаний, и, так сказать, продолжение отношений... А я ему: товарищ лейтенант, если вы и дальше будете продолжать хаметь, я вам при всех отвешу пощечину. Он сразу перепугался, не пощечины, конечно, а того, что когда командир протрезвеет и узнает, что он его жену зажать пытался, так он его со свету сживет. Больше он меня уже не приглашал, ни тогда, ни после. И тогда я тоже считала, что вела себя совершенно правильно, блюла моральный облик. В общем дура-дурища, честь сберегла, а кому она сейчас нужна. Недаром же существует такая неофициальная поговорка: в душе каждой женщины таится проститутка. Вообще-то, это чересчур сказано. Проститутка, она ведь ложится под каждого, для нее это как работа, как еда, которую надо принимать регулярно. А вот такие как мы, так называемые

честные мужнии жены – это уж другая крайность. У каждой женщины в жизни должно быть любовное приключение, а лучше не одно. А если их не было, то она прожила жизнь скучную, неинтересную. И вообще кто это установил такую норму, что любовь должна быть в лучшем случае одна, и на всю жизнь. Почему их не может быть две или несколько. Почему всяким там артисткам можно и мужей менять и любовников, а нам простым нельзя? Потому Клава, не бойтесь кому-то понравится. Еще раз повторяю, у вас есть уникальный шанс, который вам подарила жизнь, пользуйтесь им. А я помогу вам, в чем смогу...

В августе погода стала крайне нестабильной. В начале месяца вдруг наступило почти осеннее похолодание, а где-то во второй декаде пришел антициклон и установилась тридцатиградусная жара. В соответствии с погодой Анна Николаевна «готовила» Клавдию к ее «выходу» в новом качестве. Съездить в райцентр сделать прическу и маникюр, сшить в ателье брюки подчеркивающие бедра и все остальное... На это Клавдия согласилась, но чтобы одеть такую блузку, которая оставляет открытым хотя бы спереди живот с пупком... На это она долго не соглашалась.

– Да пойми ты, – Анна Николаевна в одностороннем порядке перешла с Клавдией на ты, – живот это сама соблазнительная для мужиков часть тела. Не ноги, не задница, даже не грудь, а именно живот.

– Да... но это для молодежи. У меня дочь тоже с голым брюхом ходит. Но у нее живота-то почти нет, а у меня, – Клавдия похлопала себя по объемистому животику.

– Чушь ты несешь. Поверь, большинство мужиков любят не плоские, а круглые бабьи животы. Тот лейтенантик, о ко-

тором тебе я рассказывала, уж так старался хотя бы в танце потереться о мой выпирающий живот. А я ему прямо в грудь руками уперлась и еле удерживала, так он меня на себя тянул. А уж нацмены тем более полных женщин любят. У них-то бабы в основном либо тощие, либо с возрастом полнеют безобразно. А ты-то чего боишься? У тебя отличная, самая что ни на есть приятная бабья полнота, самая настоящая гундаревская. Может у тебя порывы на животе?

– Какие порывы? – не поняла вопроса Клавдия.

– Ну, при родах иногда бывают порывы, потом на животе такие полосы синие остаются. У меня как раз такие, – пояснила Анна Николаевна.

– Ааа, поняла, нет, у меня нет никаких порывов.

– Ну, так чего стесняешься? Ты же сейчас безмужняя вдова, кто тебе чего посмеет сказать. Давай, одевайся как положено...

Когда Клавдия... а разговор происходил в выходной день на даче у Анны Николаевны и они были одни. Так вот, когда Клавдия, пунцовая от смущения оделась и предстала в так называемом «топе», Анна Николаевна осталась очень довольна:

– Прекрасно... сногшибательно! У тебя прекрасно сохранилось тело, особенно кожа. Если ты сейчас поедешь отдохнуть куда-нибудь в Турцию, или Египет, тамошняя черно-

та, глядя на тебя, облизываться будет. А ты еще хотела спрятать живот.

– Но он... он очень круглый и жирный, – смотрела в зеркало на свое отражение Клавдия.

– У твоего молодого чурека, да и у остальных тоже от этого круглого и жирного зенки полопаются. Поверь, уж я то их вкусы знаю. Ты думаешь, отчего это мода на голые животы так долго держится? Потому что красивые животы у баб встречаются гораздо чаще, чем та же грудь или ноги. Вот и весь секрет, – наставительно подняла палец Анна Николаевна. – А у тебя живот что надо и нечего его прятать...

Когда в понедельник Клавдия появилась на складе... Нет, идти с прической и в «топе» по поселку она все же не решилась, накинула платок и кофту с длинным рукавом, да и утром было довольно прохладно. Но уже на складе, когда солнце стало припекать, она вышла к рабочим... Те даже сбились с ритма погрузки машины, расширившимися глазами уставившись на свою хозяйку. Шофер, местный мужик, тоже бывший леспромхозовец, которому при дележе собственности достался нерабочий грузовик ЗИЛ-131, и он этот грузовик «поднял», и уже давно работал в фирме братьев Бобровых... Так вот шофер, увидев Клавдию с высокой прической с обтянутыми джинсовой юбкой бедрами, в кофточке без рукавов открывающий солнцу белые нежные руки до плеч и еще более визуально нежный живот... Правда от-

крытость живота Клавдия уменьшила до минимума, только в районе пупка, так что ладонью можно было прикрыть... Но все это вместе на контрасте с той Клавдией, которую они видели в пятницу, произвело на все складское народонаселение ошеломляющее впечатление.

– Ну, ты мать, даешь! – не смог скрыть изумления шофер. – Ну, ты прям лет на десять помолодела, – при этом ни он, ни все без исключения грузчики не могли оторвать глаз от наиболее привлекательных обнаженных частей ее тела – полных, округлых рук выше локтей и пупка, выпирающего нежным белым бугорком в промежутке между низом кофты и верхом юбки.

Клавдия, явно не ожидавшая такого эффекта, несколько смутилась. Но тут же, вспомнив «инструктаж» Анны Николаевны, взяла себя в руки, и словно не замечая все эти взгляды и того, что произнес шофер, заговорила «деловым» тоном:

– Что это за заказ вы грузите? Это который на Горького сто десять, на сто двадцать досок?... Не забудь захватить двух грузчиков, они разгрузку заказали.

Клавдия стала другой не только внешне, она и говорила и держалась как-то по иному. С обновлением внешности стал формироваться и новый стиль ее поведения, общения с ра-

бочими, приказной, хозяйский. И, удивительное дело, все как-то присмирели, и кроме реплики шофера не последовало ни одной. А когда бригадир, обращаясь к Рахиму, негромко приказал:

– На разгрузку ты поедешь.

Клавдия это расслышала, уже идя в контору, ощущая взгляды десяти пар мужских глаз на своих обтянутых юбкой бедрах. Она с тяжеловесной грацией обернулась, и с тем же, не терпящим возражений тоном, приказала уже бригадиру:

– Его не посылать, он сегодня у меня работать будет, другого назначь.

И вновь в ответ не последовало никаких возражений. Такое преобразование Клавдии, которую рабочие знали до того робкой, неряшливо одетой, кое как причесанной... Увидев женщину, которая буквально за выходные превратилась из замарашки в королеву, рабочие как-то самопроизвольно из «гордо звучащих» почти люмпенов превратились в скромных слуг. Конечно, Клавдия не ставила именно такую цель своего превращения. Она хотела кого-то соблазнить? Нет, эти рабочие не вызывали у нее никаких симпатий как мужчины, несмотря на то, что она уже третий год жила без мужа. Однако «просветительская» работа Анны Николаевны и случившееся как по заказу появление Рахима, эти два обстоятельства вкупе разбудили в ней то женское естество, кото-

рое вроде бы уже умерло, но оказалось лишь дремавшим в некоем анабиозном сне. Она ведь была хоть уже и не молодой, но еще и не старой женщиной, и ей просто... хотелось. И это ненароком разбуженное желание толкало ее на то, на что еще месяц назад она бы никогда не решилась. Не решилась вспомнить, что она женщина.

В подсобке на это раз дел было немного, и Клавдия больше для вида занялась перестановкой стоявших на витрине всевозможных коробочек со сверлами, шурупами, гвоздями и прочих, используемых в строительном деле мелочей. Рахим послушно исполнял все распоряжения хозяйки, стараясь на нее не смотреть, но когда она поворачивалась спиной, он этого делать был просто не в силах. Клавдия ощущала энергетику этих взглядов, которые он бросал на нее, уверенный, что она никак не может этого видеть. Она и не видела, она чувствовала. Чувствовала примерно то же, что Анна Николаевна оставаясь в квартире с солдатом, делавшим у нее ремонт. Когда же вся работа была сделана, Клавдия, усадив Рахима на табурет, сама села на стул и стала его расспрашивать сначала о дяде, так сказать для «затравки», потом о нем самом, его семье. Откуда что взялось, видя что молодой парень сильно смущен, тем что они вдвоем остались в достаточно тесном помещении, и тем что она сидит совсем близко, Клавдия интуитивно, хотя ее этому никто никогда не учил вела себя как опытная кокетка. Это искусство тай-

лось в ней само-собой и тоже, что называется, «дремало». Она сидела на стуле, закинув ногу на ногу и юбка, которая была чуть ниже колен, поднялась, обнажив мощные колени и низ сочных ляжек. Живот в сидячем положении нависал обнаженной добротной женской плотью над джинсовой юбкой, грудь полуоткрытая сверху, выступала двумя массивными молочного цвета полукружьями, тонкие бретельки кофты почти полностью оставляли открытыми округлые слегка загоревшие плечи, переходящие в нежные предплечья. Клавдия в своей жизни избежала тяжелой неженской работы своей бабки и, опять же, неженской нервотрепной жизни на колесах своей матери, потому сохранила до сорока лет, как здоровье, так и женственную внешность. С учетом этого все элементы ее «костюма» подбирались Анной Николаевной, как в гардеробе самой Клавдии, так и на поселковом вещевом мини-рынке, рядом с железнодорожной станцией. И вот Клавдия, откинулась на спинку стула, покачивая ногой... красивой ногой, круглое колено, круглая икра без намека на выступающие вены, в красивой босоножке... и спрашивала, спрашивала... А Рахим в рабочей спецовке ссутулится на табуретке отвечал, явно чувствуя себя неуютно, потому как ему приходилось проводить незаметные манипуляции своими руками, держать их возле живота, чтобы не дать, так называемой, «крайней плоти» вздыбить его штаны прямо на глазах хозяйки.

То что хозяйка явилась на работу совсем не такая как в пятницу, Рахим тоже заметил сразу, но тарашить глаза на ее частично обтянутые материей, а частично обнаженные прелести... Нет, он все это рассмотрел, но скромно, из-под тишка. Но когда хозяйка, усадив его напротив себя начала расспрашивать, находясь совсем рядом... Он как ни старался, не мог на нее не смотреть, не чувствовать, исходящий от нее запах чудесных духов «Шанель №5». Все вместе, этот чудный запах, уединение и хозяйка... ее бедра, грудь, обнаженные колени, икры, руки, и особенно пупок, довольно жирный, в который, наверное, можно было целиком засунуть палец, производило впечатление. Тем не менее, эта как бы выставленная на показ полнота совсем не казалась безобразной, какой она бывает у жирных, пузатых мужиков. Нет, если женщина по-настоящему женственна, то эти телесные излишества у нее смотрятся естественно, даже обворожительно, вызывая желание эти нежные складки не только обозреть, но и щупать, ощущать. Все это обрушилось на Рахима неожиданным «водопадом», потому он туго соображал и с трудом осмысливал вопросы хозяйки:

– Семья... еще брат и три сестры, все меня моложе и я с женой. Отец на кирпичном заводе работает. Платят очень мало, на русские деньги где-то тысячу рублей и завод часто стоит. Кормимся с огорода, баранов держим, корову, мясо раз в неделю едим, молока, если корова доится, по стакану на

человека получается. А вот дядя в прошлый год сразу двадцать тысяч рублей привез. Его семья потом до самого нового года плов с мясом ела и нас иногда приглашал... Как жили при советской власти? Не помню, я совсем маленький был. Но отец и дядя говорили, что лучше, чем сейчас. Тогда на детей большие пособия давали, и многодетным жить легче было. Но ели и тогда плохо. В магазин продукты редко привозили, и за ними надо было долго в очередь стоять. Сейчас легче тем, у кого детей мало. Если работа есть и детей мало сейчас у нас лучше, чем при советской власти. Я так думаю, больше двух детей не надо иметь. Вот жена одного родит, потом еще одного и хватит...

Помучив Рахима около часа, Клавдия решила, что для первого раза хватит, и отпустила его, к тому же тут «косяком» пошли заказчики. Из окна конторы она видела, как к нему подошел бригадир, что-то спросил. Рахим ответил и пошел грузить очередную машину...

То, что хозяйка явно благоволит новичку, стало окончательно ясно, когда она вызвала бригадира и уже прямо без полупонамеков его предупредила, что если он и его земляки, будут хоть в чем-то ущемлять Рахима, она найдет возможность на них воздействовать, начиная от штрафов и кончая увольнением. Клавдия все-таки решилась последовать совету Анны Николаевны, уже без труда отметая свою прежнюю робость. И она сразу убедилась, что угроза возымела действие. Бригадир, этот наглец, который совсем недавно мог одним своим ором «забить» хозяйку... Он по настоящему перепугался. По всему, Анна Николаевна оказалась совершенно права, такого «теплого» места эти слабосильные и не первой молодости янгиюльцы вряд ли бы еще где смогли найти. Одобрила Анна Николаевна и выбор Клавдии, когда та показала ей Рахима.

– Хорош, какой чистый, симпатичный и крепкий. И главное, сразу видно, что скромный. С таким куда приятнее дело иметь, чем с наглецом. Как ты собираешься сократить с ним дистанцию? – тут же Анна Николаевна задала «практический» вопрос.

Клавдия потупилась и, слегка покраснев, заявила:

– Да я, вообще-то, просто парню хочу помочь, чтобы не заклевали.

– Перестань Клава, я давно живу на свете и потому отлично вижу, что он тебе нравится. Не из желания же ему помочь ты стала краситься, душиться, завиваться, одеваться по моде. Вон даже с голым пупком спокойно среди мужиков ходишь, а совсем недавно о том и думать не смела. Сказала «а», говори и «б». Продолжай в том же духе, но особенно не тяни, пока лето не кончилось. Плохо, что твои рабочие здесь же на территории склада ночуют. В этой конторе или подсобке вам никак нельзя. Потому, думай. Если совсем ничего получаться не будет, могу для свиданий свою дачу вам предоставить, – понизила голос Анна Николаевна.

– Да что вы, у нас до этого далеко, да, скорее всего, и не дойдет, – словно испугавшись, попыталась возразить Клавдия.

– Дойдет, это я тебе говорю. Главное, чтобы у тебя желание было, а у него... Поверь, он долго не выдержит, таких вот разговоров один на один. Если у него со здоровьем все в порядке, то на русскую женщину твоей внешности он не сможет смотреть без вождления. Уж это-то я точно знаю...

Момент для сближения наступил довольно быстро, буквально через два дня после разговора с Анной Николаевной. Сын Клавдии с утра отправился в Москву, чтобы передать сестре деньги. Дочь за два года студенческой жизни в столице уже настолько «омосквичилась», что даже в каникулы приезжала к матери не более чем на несколько дней. Сейчас же она вдруг позвонила и чуть не в панике просила денег, вроде бы квартирные хозяева подняли цену за проживание и требуют деньги вперед. Это был, скорее всего, повод, чтобы вытянуть из матери дополнительные средства. В другое бы время Клавдия сама в выходной съездила и разобралась. Но сейчас она отправила сына. Вернуться он должен был поздно вечером, так как собирался поболтаться по Москве.

После обеда Клавдия решила использовать складскую машину в личных целях. Ввиду того, что заказов на вторую половину дня не было, она распорядилась погрузить часть возвратного горбыля, чтобы отвезти к себе домой, в сарай и в дальнейшем использовать в качестве дров. У нее был договор с деверем, что некондиционную доску она использует по собственному усмотрению. Для разгрузки она взяла с собой... конечно же Рахима.

Когда подъехали к дому водитель опрокинул кузов, свалив доски у самого забора и уехал. Рахим принялся перетаскивать их в сарай. Носил он их где-то около часа. За это вре-

мя Клавдия переделалась и приготовила еду. И когда работа была закончена, она вышла из дома, облаченная в дорогой атласный халат, купленный тоже по совету Анны Николаевны. Она позвала Рахима:

– Пойдем, поешь, передохнешь. Рабочий день кончился...

Рахим, увидел хозяйку на этот раз одетую по домашнему, но как... Халат так подчеркивал ее объемы... Он вновь смутился, но от предложенного угощения не отказался, ибо был голоден. Бригадир, ведавший деньгами, сдаваемыми на общее питание, мухлевал, покупая дешевые продукты и часто в недостаточном количестве. Потому, вкальзывающему в полную силу, да еще молодому и здоровому Рахиму, того питания явно не хватало.

Дом хозяйки не произвел на Рахима особого впечатления. Он, конечно, был гораздо лучше мазанки, где проживало его семейство, но... Он думал, что это будет что-то вроде тех кирпичных особняков под черепичными крышами, окруженных железным забором. Такие он видел из окна электрички, когда ехал от Москвы. Нет, это оказался хотя и добротный, но всего лишь бревенчатый дом под железной крышей. За домом находился небольшой сад, где росли несколько невысоких кривых яблонь и сливы окруженные кустами смородины и крыжовника. Тут же был и огород с грядками, засаженными всевозможной овощной рас-

тельностью. Сад и особенно огород нуждались в срочной прополке. До них у Клавдии руки доходили редко, она целыми днями пропадала на складе, ну а чтобы заставить сына прополоть грядки, это надо у него над душой стоять, а она не имела такой возможности. Забор... Большинство заборов в центральной России удивляло едва ли не всех южан. Забор из штакетника – этого ни один южный человек понять не мог, ведь это же все равно, что ходить в рубашке усеянной дырками, такая рубашка не греет, такой забор не защищает от постороннего взгляда. Но, конечно, Рахим не высказал никаких «критических» замечаний. Он поблагодарил за приглашение, снял свои кроссовки, одел поданные тапочки и прошел на кухню, где был накрыт стол, успев мельком увидеть и гостиную. Внутреннее убранство дома тоже оказалось средним. На полу паласы и дорожки, на стенах ковры, в стенке хрусталь, фарфор и какие-то книги. На стене в рамках семейные фотографии, на подоконниках цветы. В этой в общем-то стандартно-советской обстановке имелись и постсоветские новшества: на кухне стояла стиральная машина «БОШ», в гостиной ЖК телевизор «Хундай» с большим экраном, в стенке стоял музыкальный центр «Шарп». Что понравилось Рахиму, как человеку от природы чистоплотному, то что в доме едва ли не стерильно чисто, все веяло уютом и какой-то основательностью, прочностью устоявшегося быта. Удачно вписывалась в «интерьер» и сама хозяйка в своем красивом атласном халате. На его мягко-розовом

фоне как-то по-особому белели ее открытые шея и начало груди. Когда хозяйка стала наливать борщ в тарелку, Рахиму показалась что грудь под халатом колыхнулась так, словно там ее ничто не сдерживало, то есть на ней не было бюстгалтера. Впрочем, запах вареной говядины исходивший от борща сразу же отвлек его от «скользкой» мысли. Рахим, предчувствуя как насладится вкусом настоящего хорошего мяса, уже взял ложку, когда Клавдия ему вдруг сказала:

– Может выпьешь?

Бутылка водки, появилась в руке хозяйки, красивой полной руке, обнажившейся до округлого локтя, оттого что широкий рукав халата опал, когда она подняла бутылку. Рахим, блаженно вкушавший дух борща, этот дурманящей запах говядины... он не сразу разобрал слова хозяйки, словно враз забыл русский язык.

– Я... я не знаю, я не пью, – наконец, растерянно залепетал он.

Видя, что, тем не менее, Рахим активно не противится, а всего лишь отказывается, то ли из вежливости, то ли от смущения, она налила рюмку, пододвинула и успокоительно произнесла:

– Одну можно, после работы, как у нас говорят, с устатку, и для аппетита тоже.

Рахим несмело взял рюмку и в несколько глотков выпил, чуть задохнулся и тут же зачерпнул салата из свежих помидоров и огурцов, вовремя пододвинутых хозяйкой. Не мешкая, он принялся за борщ – водка действительно обострила и без того его волчий аппетит. Борщ не узбекская пища, тем не менее, сейчас он казался ему невероятно вкусным. Давно уже не евший хорошей домашней пищи, Рахим наслаждался. Все внутри, каждая клетка его организма буквально ликовала, кровь быстрее струилась по сосудам – так было ему хорошо. Он мгновенно забыл о выпитой водке – настолько легко и без всяких негативных последствий она пошла.

– Еще выпьешь? – вновь как-то по-домашнему, буднично прозвучал вопрос.

Рахим, наконец, поднял глаза от уже опустевшей тарелки, посмотрел на хозяйку... И будто увидел ее впервые, так как смотрел на нее уже глазами другого человека, мужчины, после длительного полуголодного периода, наконец, получившего качественное питание и это питание в его молодом здоровом организме запустило некие процессы, обострило чувства, которые из-за отсутствия одного оказались несколько притуплены. И сейчас он вдруг до мельчайших подробностей увидел, почувствовал физически, насколько стоявшая перед ним женщина налита спелой плотью, какая она рос-

кошная... чистая. Сам чистоплотный он очень страдал от соседства с любой грязью. А начиная с поезда, грязь преследовала его везде и всюду. И в их вагончике чисто было только тогда когда по очереди «дневалил» Рахим, его соседи и убирались плохо, и сами мылись нерегулярно. И вот сейчас он наслаждался не только питательной пищей, он наслаждался уютом и чистотой дома и... он начал испытывать ранее никогда неведомое ему удовольствие от созерцания самой хозяйки. Он видел перед собой не женщину, которая была чуть моложе его матери... Хотя, конечно, русских женщин с узбечками равнять нельзя – это Рахим понимал. Узбечки в результате многочисленных родов и наследственно плохого питания после тридцати лет очень быстро старились. В сорок они, как правило, смотрелись уже старухами и не могли вызвать у того же молодого парня соответствующего желания. Но тут он видел перед собой сорокалетнюю русскую и все меньше воспринимал ее как хозяйку, значительно старше его и все больше как просто очень привлекательную женщину. Конечно, она привлекала его внимание и раньше, когда он впервые ее увидел в «топе», и когда они остались одни в подсобке. Но тогда все равно что-то мешало, да и он тогда был совсем другим, ибо не выпил предварительно водки и не съел тарелку чудесного борща с мясом. И потому сейчас он уже совсем по иному реагировал на то, как под атласом халата колышутся эти умопомрачительные округлости. Ох уж эти округлости. Может от того, что Рахим вырос в среде,

где почти не было женщин с добротными телами, оттого он сейчас так реагировал.

Отец, как-то в разговоре с родственниками о политике и жизни в советские времена, приводил пример из речи некоего депутата Верховного Совета СССР от Узбекистана, на одном из последних советских перестроечных съездов в Москве. Тот депутат в открытую обвинял советскую власть в том, что женщины в Узбекистане, особенно в сельской местности, доведены чуть ли не до физического истощения от плохого питания и хлопковых авралов. Отец доставал сохранившуюся с тех времен пожелтевшую газету и цитировал слова депутата:

– Разве это женщины, ни тебе курдюка, ни тебе груди...

Затем отец высказывал и свое мнение:

– Ну вот, свалили советскую власть, Узбекистан теперь независимый, суверенный. И что? Разве что-то изменилось в нашей жизни, все как было, так и осталось, а кое что и гораздо хуже стало...

Слова отца подтверждались тем, что не только мать, но и сестры и жена Рахима, выросшие уже в постсоветское время, не могли похвастаться женской статью, как и подавляющее большинство прочих жительниц их кишлака, да и всех соседних тоже. Рахим также видел русских женщин в Узбе-

кистане, особенно много их было в Ташкенте. Но там они не произвели на него особого впечатления, ибо в основном были почти также худы, как и узбечки, кроме того смотрелись какими-то пугливыми, пришибленными, они даже боялись сидеть в общественном транспорте, все включая старух. Отец говорил, что такими они стали после падения Союза, когда в первые годы узбекской независимости произвол в отношении русских, в том числе и изнасилования, считались едва ли не доблестью. И только попав в Россию, он увидел, что здесь русские женщины совсем другие. И в поезде, и в электричке, и здесь в поселке Рахим видел очень много женщин средних лет и даже старше имеющих то, что полностью отсутствовало у большинства узбечек – приятную, притягательную для мужского глаза полноту, и «носящих» ее непременно с достоинством. Молодые девушки нет, те в основном худы, голенасты и имели сходство с мальчишками-подростками. Рахиму, который насмотрелся на женскую худобу у себя в семье и кишлаке, они совсем не нравились. Другое дело женщины средних лет... И вот именно такая стоит перед ним, в халате под которым, видимо, ничего нет и она спрашивает, будет ли он еще пить...

Рахим молча смотрел на хозяйку и чувствовал, что изнутри у него как бы разгорается неуправляемое пламя. Что это было... следствие того, что он уже больше месяца, как уехал из дома не был с женщиной, или борщ вкупе с водкой, то

ли это свободное колыхание под халатом груди, бедер, живота, ягодиц? Клавдия поняла его «пограничное» состояние и больше не спрашивая, налила вторую рюмку, после чего, взяв пустую тарелку, отвернулась к газовой плите, чтобы подать второе. Рахим вторую рюмку пил, не сводя глаз со спины, зада и тускло белеющих икр хозяйки. Когда она подала второе, жареную картошку с сардельками и увидела, что рюмка уже пуста... Она присела на стул, и чуть улыбнувшись краешками губ, вновь наполнила рюмку гостя и на этот раз еще одну – себе. Дождавшись, когда Рахим в том же искрометном темпе «смолотил» и второе, она спросила:

– Может еще?

– Можно, – Рахим отвечал уже без смущения, твердо.

Водка, сытная закуска, а главное недвусмысленность поведения, в то же время вроде бы ничего не обещавшей хозяйки, придало ему смелости и уверенности. Он уже не был рабочим, зависимым от своей работодательницы, он был мужчина, оставшийся наедине с женщиной, причем мужчина уже познавший женщину, но давно бывший без оной. Еще более, без малого два года эта женщина была без мужчины. И никакой разницы в возрасте и прочих условностей, национальных, религиозных не играли никакой определяющей роли. И дальше Рахим повел себя как мужчина. Когда Клавдия в очередной раз повернулась к плите, чтобы положить в тарелку добавки, он осторожно, но крепко придержал ее за

рукав халата:

– Может, сначала выпьем... вместе?

Клавдия с готовностью опустилась на стул взяла рюмку... Выпили без всяких тостов и слов, Рахим третью как воду, намного легче чем две первые, Клавдия задохнулась, закашлялась, закрыла ладонью лицо с выступившими слезами и не глядя на гостя зачем-то быстро вышла в сени...

Больше они не пили, ибо трех рюмок ему и одной ей хватило, чтобы избавиться от последних пролегающих меж ними условных границ. После того, как Рахим доел «добавку» он уже настолько сильно «хотел», что отказался от компота, всем своим видом выражая желание, что на третье он хочет только хозяйку. Он уже сам проявлял мужскую инициативу. Правда, прежде чем подойти к ней, хлопотавшей как ни в чем не бывало у плиты и раковины, он с минуту стоял, поднявшись со стула, собираясь с духом, потом решился, сделал два шага и обнял ее... сзади. Сначала осторожно... потом, не почувствовав отпора смелее. Клавдия перестала мыть посуду и стояла, словно оцепенев, не оборачиваясь. Он стал все сильнее прижиматься, ощупывать ее поверх халата, ощущая через халат... Он развернул ее к себе, ее глаза были полужакрыты, а он уже всем своим телом ощущал ее грудь и живот, а руками гладил ее бедра. Она по-прежнему не сопротивлялась... Все происходило молча, с затаенным дыханием и его и ее. Он проник под халат и обнаружил там кроме тела лишь трусы. Пока он мягко оглаживал ее, она стояла в прежней замеревшей позе, лишь вздрагивая, когда его мозолистые ладони касались самых нежных мест, но вот его руки проникли под трусы, оглаживая уже низ живота. Она до того совер-

шенно безмолвная и, казалось, бесчувственная, почти не реагирующая на его прикосновения... Клавдия, вдруг, довольно громко охнула, ее колени подогнулись она стала приседать, пытаясь, не пригибая к помощи рук, воспрепятствовать дальнейшему его «продвижению» вниз. Таким образом, она опустилась почти на корточки, когда он выпростал из под халата сразу обе свои руки, подхватил ее и поднял, поднял легко, скорее вскинул, будто и не было в ней восьмидесяти с лишком кило...

Со дня смерти мужа прошло уже более полутора лет. Но в последние лет пять совместной жизни, их интимные отношения полноценными назвать было никак нельзя. Пьющие мужчины в «этом деле», как правило, не очень «сильны». Потому «голод» Клавдии «копился» не с того дня, когда мужа в последний раз госпитализировали, а значительно раньше. Сейчас, ощутив всем своим «застоявшимся» телом жар и крепость объятий сильного молодого парня, она... Она сначала встала в ступор, словно в старой детской игре получив команду: «морская фигура замри». Но как только его рука коснулась кончиков ее волос на лобке... Здесь она словно очнулась, инстинктивно стала приседать и... оказалась поднятой на руки, поднята высоко, ей даже показалось, что сейчас она будет подброшена к потолку... Муж уже наверное последние лет пятнадцать, как только она стала «входить в тело» не решался ее поднимать на руки. Не возникало у него

такого желания, да он и не в состоянии был это сделать.

Почувствовав то, чего она не чувствовала уже лет двадцать, то есть поднятой в воздух крепкими мужскими руками... Клавдия окончательно пришла в себя и уже властно и внятно прошептала:

– Отпусти!

Рахим, казалось, готовый на любые безумства, ощущая вес и в то же время податливость этого большого и в то же время нежного тела, совершенно не оказывающее ни малейшего сопротивления... Одно это слово, произнесенное, образно говоря, громким шепотом, было словно ледяной водопад обрушившийся на его разгоряченную голову. Он осторожно поставил хозяйку на ноги и отпустил с растерянновинноватым видом, его плечи ссутулились, он словно ожидал наказания за неслыханную дерзость. Клавдия, видя состояние гостя, поспешила направить ситуацию в прежнее, но более управляемое «русло»:

– Иди в спальню... раздевайся и ложись. Постель разобрана... Я сейчас... Иди, спальня там...

Рахим опять испытал почти мгновенную смену настроения. То, что у него только что «опустилось» вновь «воспряло». Он едва не теряя тапочки, которые оказались ему малы, пошел туда, куда его направили, в небольшую с зашторен-

ным окном спальню, где обнаружил разобранную кровать, занимавшую едва ли не половину всей комнаты. Кровать с высокой, резной округлой спинкой казалась просто огромной. Такие кровати он видел в мебельных магазинах, в кинофильмах, но сам на такой не спал никогда. Они с женой спали на обыкновенной железной кровати-полуторке, которую в качестве приданного подарили ее родители. Да и вообще на сколько он знал, вся его родня, соседи спали либо на таких же полуторках, либо их заменяли разобранный диван или тахта. И вот теперь у него впервые в жизни появилась возможность не только лицезреть, но и лечь на такую чудо-кровать... Однако Рахим всем своим чисто плотным нутром почувствовал, что не может на нее лечь, на эти белоснежные простони, под это небесно-голубое одеяло. Он не чувствовал самого себя достаточно чистым, достойным этой стерильной белизны и голубизны. Последний раз они всей бригадой ходили в баню пять дней назад. Но прошедшая пятидневка оказалась чрезвычайно жаркой, как по погоде, так и по интенсивности работы – потеть приходилось регулярно. Хоть Рахим ежедневно обмывался до пояса, он все же не был уверен, что от него не разит потом. Ведь ему сейчас предстояло снять с себя не только то, что выше пояса, но и то, что ниже...

Клавдия, быстро убрав со стола, прошла в большую комнату, сняла с себя все, что оставалось на ней под халатом,

то есть трусы, и пошла в спальню. Но Рахим еще не лег в постель. Сняв с себя рубашку, майку и кроссовки он никак не мог решиться снять и брюки.

– Ты что? Ложись, – как можно мягче, вполголоса сказала Клавдия, подумав, что парень стесняется показать свое исподнее. – Ложись, я смотреть не буду, – попыталась она его подбодрить, только что такого горячего, сильного, решительного, а тут вновь оробевшего.

– Я эээ... я не мылся давно... от меня пахнуть будет... наверный... Я сам-то не чувствую, – смущенно признался Рахим.

– Ничего страшного, ложись, все будет нормально, – успокоила его Клавдия и вышла...

Рахим, собравшись с духом, снял с себя все и словно в благоухающую ванну забрался под одеяло. Одежду он задвинул под кровать, чтобы она своим возможным запахом о себе не напоминала... Клавдия вошла, неслышно ступая по ворсистому ковровому покрытию, остановилась возле кровати, на которой она спала последние пять лет своей супружеской жизни, когда они с мужем решили сменить свой старый продавленный диван, на вот это большое красивое... Но, увы на этом ложе любовь у них случалась не часто.

Рахим лежал под одеялом ничком, укутавшись до подбо-

родка. Их взгляды встретились... Там на кухне еще несколько минут назад он был хозяином положения. Когда она оказалась на его руках, ему казалось, что дальше все зависит от его действий, его желания. Но как быстро все изменилось, и вновь все решает она. Улыбка чуть тронула губы Клавдии, когда она не спеша стала развязывать пояс своего халата. Вот одна пола халата чуть приоткрылась и Рахим, наконец, увидел тело, то которое он уже чувствовал, трогал, но до сих пор так и не видел. Он увидел одну грудь, большую, вислую, полживота, одну ногу очень полную в районе так называемой ляжки. Замерев, он в нетерпении ждал, когда и вторая пола халата распахнется, или он вообще будет снят. Но хозяйка словно играла с ним, оставаясь в том же «полураспахантом» состоянии, она повернулась, подошла к окну, чуть раздвинула шторы на уровне своего лица, посмотрела на улицу и вновь их задернула. Там же у окна, стоя спиной к кровати, она сняла халат и положила его на стоящий рядом стул. Рахим, наконец, увидел ее совсем обнаженной, но только сзади.

Видел ли Рахим до того полностью обнаженных женщин? Несмотря на то, что он был женат на этот вопрос однозначно не ответить. И да, и нет. Вот так специально, нарочито, явно желая произвести впечатление, перед ним еще не раздевалась ни одна женщина. Жена? Ложась спать, она всегда раздевалась одна, до него и ждала в постели. Да и совсем обнаженной она даже в постели никогда не лежала – это бы-

ло не принято. Рахим лишь однажды, мельком видел жену совсем голой, когда она в саду мылась под душем. Она была обыкновенной узбечкой, его жена, как раз такой, про которых тот депутат из перестроечных времен сказал, ни тебе курдюка, ни тебе грудей. Она была дочерью друга отца. Когда ей исполнилось двадцать лет друг отца, у которого подрастало еще четверо детей, чтобы успеть сбыть с рук старшую дочь, пока совсем не «перезрела», согласился отдать ее фактически без калыма. То являлось «секретным договором», для всех непосвященных калым был заплачен, но на самом деле... Ни Рахима, тогда только пришедшего из армии, ни его невесту не спрашивали, хотят ли они связать друг с другом жизнь – ведь эта женитьба оказалась выгодна обоим семьям. Впрочем, в кишлаке особого выбора и не имелось, там все девушки выглядели примерно так же, все они были дочерьми дехкан, сначала с утра до конца рабочего дня горбатившихся на колхозных хлопковых полях, а после той работы до самого темна на своих приусадебных участках. И все они, и их родители, да и деды с прадедами за редким исключением досыта никогда не ели. Потому многие девушки там фактически не имели того, что зовется женскими прелестями.

Как раз все это и даже в избытке Рахим видел сейчас у своей хозяйки, этой уже немолодой русской женщины. Его мать была чуть старше, но ее груди высосанные детьми дав-

но были, что называется, пустые. Конечно с возрастом женщина «нагуливает тело», но лишь при условии нормального быта и питания. В кишлаке не было ни того ни другого, потому у матери, сколько ее Рахим помнил, груди напоминали «заячьи уши» и бедра несмотря на пять беременностей были не по женски узки, ноги тонки. Здесь же у его хозяйки... Сейчас, когда она стояла к нему спиной особенно отчетливо было видно какие мощные у нее бедра и ляжки. А складки на талии и возле подмышек... они не смотрелись как жировые излишки, напротив, они добавляли привлекательности, притягательности своей визуальной мягкостью, нежностью. Она повернулась... грудь несколько обвисла вниз, в то же время она смотрелась не увядшей и свисала не от пустоты и дряблости, а под собственной тяжестью, наполненная нежной мякотью. Тяжел был и живот выдающийся вперед, особенно в районе пупка, вместе с грудью они сильно колыхались даже при незначительном движении. Видя, как он смотрит на это колыхание, Клавдия неспешно с той же полуулыбкой приближалась к кровати. Он оказался весь во власти вновь накатывающего желания обладать, насладиться этим роскошным без малейших следов увядания или рыхлости тела. Вот он уже перед самыми глазами видит колыхание этого умопомрачительного живота...

У его жены фактически не было живота, у матери... Вообще то у многих узбекских женщин в возрасте животы были,

но то были какое-то убожество, выглядевшее полным анахронизмом на фоне чахлых грудей и отсутствия бедер и зада. И вот здесь он в очередной раз убеждается, как в гармонии со всем телом красит женщину живот, большой, круглый со складками по бокам, как он органично «вписался» во все ее одновременно и сытое и красивое тело. Хозяйка явно испытывала его терпение... или просто сама получала удовольствие от того, что давала ему возможность рассмотреть себя получше. Она встала возле кровати и уперла руки в бедра... Ему хотелось выскочить из под одеяла, схватить, сжать, поднять, бросить на кровать, раздвинуть своими смуглыми мускулистыми ногами эти манящие белые ляжки, вонзится в этот черневший под животом лобок... Но, помня произошедшее на кухне, он сдержался. Дождался когда она, так же не спеша, легла под одеяло. Но стоило им на мгновение соприкоснуться. Тут уже его, что называется, «прорвало»...

По первому разу все случилось слишком быстро, видимо «прелюдия» оказалась чрезмерно «насыщенной» и Рахим слишком долго сдерживался, оттого «разряд» получился ранним. Он смутился, но она все поняла:

– Ничего... полежи, отдохни, я сейчас...

Она вновь будто не ощущая наготы поднялась и вышла из спальни... Вернулась через несколько минут, все это время ходя по дому голой и по спальне тоже с минуту походила во-

круг кровати, словно что-то искала. Он же вновь созерцал это молочно-белое, колышущееся, в которое он только что с таким наслаждением вошел, окунулся... и вновь захотел войти, окунуться. Вторично он уже действовал спокойно и «пил» ее не спеша, смакуя удовольствие, сначала гладил и ласкал ее буквально везде, и руками и губами, начиная от круглых щек и пухлого подбородка и кончая загорелыми икрами, потом легко и мощно «вошел» и был «там» в несколько раз дольше чем в первый раз. Она охала и стонала, явно сдерживаясь, но иногда вскрикивала довольно громко, порывалась «выйти наверх», но он не позволил – он вновь стал хозяином положения, мужчиной и был «сверху». Впрочем, и внизу ей было несказанно хорошо. Она закрыла глаза и делала естественные встречные движения, и когда они совпали эти встречные движения, его и ее... Он в эти моменты входил в нее наиболее глубоко, и в именно тогда она не могла сдержаться и вскрикивала. Одновременно руками он продолжал делать все что хотел, мял ее груди, засовывал ей по спине нащупывая там те самые складки, которыми любовался, когда она стояла у окна, мял иногда довольно крепко зад и ляжки... Она негромко постанывала от всего этого, но вскрикивала только от самых глубоких «проникновений»...

После второго раза она вновь ушла и что-то делала в сенях, а когда вернулась, увидела, что он по-прежнему в постели и ждет ее...

– Как, ты еще хочешь!?

Муж Клавдии никогда не мог более одного раза, даже в молодости. Она, конечно, знала, что «это» некоторые мужики могут делать, даже по два и более раз подряд, но столкнулась с таким впервые...

Он «взял» ее еще дважды. После последнего раза уже изрядно уставшая, но удовлетворенная и счастливая Клавдия, видимо, опасаясь, что Рахим и на этом не остановится, едва ли не взмолилась:

– Хватит, миленький... надо вставать. Через час-полтора должен приехать мой сын...

Но она опасалась напрасно, Рахим тоже был «опустошен». Потому он тут же послушно достал из под кровати свои вещи, быстро оделся... Она дала ему сверток с домашними пирожками, что оказалось кстати – он вновь проголодался, хоть и совсем недавно сытно поел. В каком-то полусамнамбулическом состоянии Рахим шел через поселок в направлении склада, шел и жевал пирожки, никого и ничего не замечая вокруг. Последний пирожок он доел возле самых ворот...

Они стали «встречаться» на самом складе. В подсобке Клавдия оборудовала нечто вроде спальни: топчан, матрац простыни... Рассказывая Анне Николаевне о своей «победе» она высказала опасение, что рабочие наверняка догадываются об их отношениях и могут разболтать, дойдет до широкой огласки, узнают родственники, дети. На что Анна Николаевна поспешила ее успокоить:

– Клава, меньше всего опасайся своих узбеков. Кто-кто, а эти будут держать язык за зубами. Ты ведь их уже пугнула, и каков результат? ... Ну вот. Поверь, я знаю их ментальность, если ты поставишь себя с ними настоящей хозяйкой, то ты для них госпожа, и вольна делать все что хочешь. Тем более, что им некуда больше идти. Ты не узбеков бойся, а своего шофера. Он ведь местный? ... Ну вот...

С шофером Клавдия поговорила тем же вечером, когда он подвозил ее до дома. Она начала с намеков, но шофер, бывший одноклассник мужа, тем не менее, никогда с ним не друживший, скорее даже наоборот... Он сразу все понял и с полуулыбкой выслушал все ее «окольные» рассуждения. Нажав на тормоза уже возле дома, он повернулся к ней и, опершись на баранку, ответил не в пример ей прямо:

– Клава, мне от тебя нужна только зарплата, и ты ее платишь в срок. Я всем доволен. Где еще я у нас в поселке заработаю тридцать тысяч на своей машине. Вон мужики за меньшие деньги в Москву мотаются, за полтораста верст, а я тут каждый день дома с семьей. Да я спасибо говорить и в ноги тебе кланяться должен. Потому, что ты и с кем ты... это твое дело и меня не касается. Я ничего не знаю, и знать не хочу.

Когда Клавдия уже сошла с подножки, он, перегнувшись через сиденье и поманив ее, полушепотом добавил:

– Знай, я тебя ничуть не осуждаю. Ты такая классная баба и всю жизнь с этим своим уродом Колькой промучилась. Хоть напоследок поживи. А за меня не беспокойся, я – могла...

То, что Рахим стал любовником хозяйки, сразу же подняло его «статус» среди янгиюльцев. Они уже не смели над ним посмеиваться, даже бригадир стал с ним вежлив. Более того, когда что-то надо было согласовать с хозяйкой, он сначала советовался с Рахимом, а то и просил, что называется, «замолвить слово». Рахим не отказывался помочь, и когда они закрывались в подсобке, после любви он озвучивал просьбы своих «коллег». Так он упросил ее разрешить иметь на территории склада жаровню, чтобы готовить шашлыки. Клавдия даже сделала встречное предложение:

– Скажи им, что если они перестанут таскать со штабелей доски и продавать их налево, я увеличу зарплату на тысячу рублей каждому. Но если будут продолжать, начну увольнять...

К концу лета поток заказчиков заметно снизился, и у них появилось значительно больше времени и возможностей, чтобы уединяться в подсобке. Со стороны, это, наверное, смотрелось странно. На узком топчане, в душной нагретой солнцем через крышу подсобке лежат совершенно не одетые и ничем не прикрытые белотелая пышная женщина средних лет и смуглый, поджарый с хорошо «прорисованными» мускулами молодой парень. Они только что насладились друг другом и ведут этакий деловой разговор. Так они отдыхали, перед очередной «порцией любви». В то же время через дощатые стенки подсобки слышалось, как рабочие грузят очередную машину – Рахим уже свыкся со своим новым положением и не стремился бежать работать тогда, когда его приглашала к себе хозяйка. Он теперь в основном «работал» у нее в подсобке.

Хоть Рахим теперь реже работал на погрузке, тем не менее, в конце месяца, расписываясь в ведомости за зарплату, он увидел, что ему начислили столько же сколько и прочим грузчикам, десять тысяч. Более того, Клавдия уже безо всякой ведомости дала ему еще четыре. Рахим смутился, но

деньги взял.

В сентябре Анна Николаевна ввиду приближения окончания дачного сезона уже реже заезжала на склад, находясь теперь в основном в своей московской квартире. После двухнедельной «разлуки» в самом конце месяца, в дождливый пасмурный день она приехала провести свою «воспитанницу». Увидев Клавдию, как всегда восседавшую в своей конторке, она с удовлетворением констатировала:

– Прекрасно выглядишь Клава, молодец! Вот что любовь с женщиной делает за какие-то полтора месяца. Тебя, милая, не узнать, словно персик спелый, того и гляди, сок брызнет.

– Тише, Анна Николаевна, здесь клиенты по территории ходят, образцы нашей продукции смотрят, – зарделась смущенная такими комплиментами Клавдия.

– Да, ладно, куда они денутся твои клиенты, а о чем говорим, не поймут, – усмехнулась Анна Николаевна, но голос понизила и оглянулась на дверь. – Встречаетесь по-прежнему здесь? – она кивнула на дверь в подсобку.

– Да, – еще более покраснела Клавдия.

– Молодец, рада за тебя. Так и надо жить. Как в песне поется: «Брать свое и не украдкой». А результат налицо. Ты сейчас смотришься лет на десять моложе своего возраста. Полтора месяца назад ты была похожа на Гундареву в последние годы жизни, а сейчас даже не времен «Труфальдино» и «Двух стрел», а как в твоей любимой «Сладкой жен-

щине». А вообще как самочувствие?

– Ну, вы уж скажите, – с улыбкой махнула рукой еще более польщенная Клавдия. – А самочувствие... Так-то вроде все отлично, только вот полнеть стала, чувствую одежда ма-ла становится, как бы это потом боком не вышло.

– Да все нормально, от этого бабы обычно в груди и бед-рах наливаются, как раз там, где нужно. И ты тоже... можно сказать баба в самом соку, хоть замуж выдавай, – рассмея-лась Анна Николаевна.

– Ох, не знаю, зачем мне сейчас замуж, – вновь отмахну-лась Клавдия, не решившись произнести того, что и так бы-ло яснее ясного – меня вполне устраивает то, что есть, жи-ву как в сказке и ничего менять не хочу. Тем не менее, не удержалась и не смогла не признаться. – В прошлом году я дни считала до конца этого строительного сезона, скорее бы кончился, а сейчас не хочу, чтобы кончался. Но уже совсем скоро конец, закрываем склад до весны.

– А на будущий год планы есть? – поинтересовалась Анна Николаевна.

– Хочу Рахима уговорить, чтобы опять приехал, да и что-бы рабочие все те же были. А вы верно говорили про них. Они и в самом деле, будто ничего и не видят. Спасибо вам. Поверите, я за всю свою жизнь, кажется, так счастлива не была. Все так хорошо, разве что бюстгальтер на размер боль-ше покупать придется, да юбки расшивать, – теперь уже рас-смеялась Клавдия.

Последний день они провели вместе, когда по крыше подсобки стучал холодный ноябрьский дождь. Склад уже не работал. Весь материал был продан, даже не кондиция пошла по дешевке. Янгиюльцы получили расчет и уехали днем ранее, а Рахим задержался. Потрескивали дрова в раскаленной до красна буржуйке, на улице было сыро, промозгло и холодно, здесь же тепло и сухо. Сейчас им совсем никто не мешал. Разговаривали лежа в постели, совершенно без одежды – это стало их любимой привычкой.

– Ты должен приехать не позднее середины апреля, – она лежала на боку, слегка навалившись на него, он на спине, ее округлый молочный живот терся о его смуглый плоский в «квадратиках» мышц брюшного пресса. – Если даже денег на дорогу не будет, дай телеграмму, я вышлю.

– Не знаю... как там будет. Жена уже родит тогда, – хоть и не сильно но «придавленный» Рахим не мог себя ощущать также естественно и свободно, его мысли путались.

– Тем более, вам же деньги в будущем году очень нужны будут. Я бы могла тебя бригадиром сделать... Нет, лучше не надо, тогда ведь ты все время с рабочими будешь. Лучше пусть будет так, как было. Я ведь тебе все равно платить буду больше чем даже бригадиру, помимо ведомости. Обещай, что приедешь! – она еще более повернулась и навалилась на него всей своей пышностью, словно пытаясь силой вырвать

согласие.

– Не знаю я, как там всё будет, – Рахим снизу гладил живот Клавдии, время от времени запуская в него пальцы, словно пытаюсь измерить его глубину. Осторожным движением он привел ее в прежнее «полубоковое» положение, ибо при всей мягкости и желанности ее тела говорить, испытывая его полновесное давление, было не легко. – Тут еще надо чтобы дядя не поехал. Если он поедет у нас может ничего не получится... Тогда он узнает и там все про меня расскажет. Если дядя не поедет, тогда я наверный точно приеду.

Клавдия вновь наваливается сверху:

– Хоть так, хоть так приезжай, даже с дядей. Чего-нибудь придумаем, я его на лесопилку на большой заработок устрою, и здесь его не будет...

Рахим на этот раз не выдержал, снизу «вошел» в Клавдию и она тоже больше не могла говорить, ибо мерно, то приподнималась, то вновь опускалась на него. Не могли они говорить и несколько минут спустя, когда временно обессиленные лежали рядом, пышнотелая белотелая женщина и смуглый мускулисто-худощавый парень, как бы являя собой наглядное доказательство закона бытия – притягиваются противоположности.

Деверь вместе с Клавдией обходили опустевший склад.

– Ну, что вроде все опечатали, кроме вагончика, где сторож сидеть будет? – говорил деверь, не могущий скрыть довольной торжествующей улыбки.

Его хорошее настроение было обусловлено тем, что прошедший сезон получился очень удачным. На своей лесопилке он впервые выручил более трех миллионов рублей чистой прибыли. Клавдии тоже перепало немало, более восьмисот тысяч. То есть, если даже делить на весь год она имела около семидесяти тысяч рублей в месяц. Во всем поселке кроме деверя, никто не имел такого ежемесячного дохода. Но она не радовалась. Когда опечатывали ее контору с подсобкой, у нее едва не выступили слезы. И когда деверь, в очередной раз потирая руки, проговорил:

– Удачный, очень удачный год!

Клавдия тяжело вздохнув, подтвердила:

– Да... очень, – и чуть помедлив, уже про себя добавила, – и счастливый...

(В оформлении обложки использована фотография с сайта: <https://pixabay.com/ru/склад-цемент-строительство-76148/> по лицензии Public Domain)